

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

ТРИ СВЕЧИ

Следователь царской канцелярии
Дмитрий Соболев

Истина всегда где-то рядом.
Но путь к ней лежит через ложь.

Влад Генделев

Три Свечи

«Автор»

2026

Генделев В.

Три Свечи / В. Генделев — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 1913 год. В собственном кабинете найден мёртвым князь Александр Ардатов. В груди — старинный стилет. На столе — три свечи, одна из которых погашена. Всё выглядит как убийство, однако первые же результаты расследования заставляют усомниться в очевидном. Следователь Царской канцелярии Дмитрий Соболев обнаруживает, что почти каждый из находившихся в доме что-то скрывает. Наследство, семейная тайна, старые долги, исчезнувший человек, неожиданно вернувшийся спустя четверть века. Подозрение переходит от одного человека к другому, но ни одна версия не объясняет всех странностей последней ночи князя. Постепенно Соболев понимает: разгадку следует искать в пожаре двадцатипятилетней давности, из которого живыми вышли трое. Ардатов не успел назвать убийцу. Он оставил только три свечи.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Влад Генделев

Три Свечи

Влад Генделев

ТРИ СВЕЧИ

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев

Пролог

Санкт-Петербург, 1912 год

Князь Александр Сергеевич Ардатов не любил, когда в кабинете горело слишком много света.

Электричество в доме провели ещё четыре года назад, однако здесь он почти им не пользовался. Электрические лампы казались ему безжалостными: они выставляли напоказ пыль на корешках книг, царапины на полированной мебели, морщины на лицах и, что было хуже всего, не оставляли человеку места для недосказанности.

Поэтому по вечерам на письменном столе князя ставили три свечи.

Всегда три.

Две по краям массивного бронзового подсвечника и одну посередине.

В этот вечер они горели особенно ровно.

За окнами мела февральская позёмка. Ветер шёл со стороны Невы и бил в стёкла мелким сухим снегом. Портьеры были задёрнуты, огонь в камине потрескивал, часы над книжным шкафом размеренно отсчитывали секунды.

Ардатов стоял возле письменного стола и слушал, как за закрытой дверью кто-то смеётся.

Гости ещё не разъехались. Это было хорошо. По крайней мере, пока.

Он посмотрел на часы. Двадцать три минуты двенадцатого.

До полуночи оставалось достаточно времени, чтобы сделать то, что он откладывал почти четверть века.

Князь опустился в кресло.

Перед ним лежала раскрытая папка. Всего несколько листов.

Если бы кто-нибудь увидел их сейчас, вряд ли понял бы, почему Александр Сергеевич последние три дня почти не спал. Никаких государственных тайн. Никаких дипломатических шифров. Никаких секретных донесений.

Несколько имён. Дата. Название маленького городка. И короткое собственноручное объяснение князя.

Он перечитал первую страницу.

Потом вторую.

До третьей не дошёл.

Закрыв папку.

— Трус, — произнёс Ардатов вслух.

Слово прозвучало неожиданно громко.

Он поднял голову, словно боялся, что его могли услышать.

Нет.

За дверью всё было спокойно.

Князь улыбнулся.

Удивительно, подумал он. Шестьдесят три года. Чины, ордена, аудиенции, люди, которые встают, когда тыходишь в комнату. И всё равно иногда достаточно одного слова, чтобы снова стать двадцатисемилетним молодым человеком, стоящим ночью перед закрытой дверью.

Ардатов резко поднялся.

Нет. Сегодня он не станет вспоминать. Сегодня всё закончится.

Завтра утром папка окажется там, где должна оказаться.

После этого можно будет спокойно ждать смерти.

На слове «смерть» князь поморщился.

Доктор Рождественский говорил осторожно, выбирая выражения. Врачи вообще любят сложные слова, когда простые кажутся им слишком жестокими.

Несколько месяцев. Может быть, полгода. При благоприятных обстоятельствах — больше.

Ардатов не верил в благоприятные обстоятельства.

Он подошёл к камину и протянул руки к огню. Пальцы почему-то замёрзли. Странно.

В кабинете было тепло. Он несколько раз сжал и разжал ладонь.

Потом почувствовал слабое покалывание под левой лопаткой.

Ардатов замер. Подождал. Прошло.

— Только не сегодня, — пробормотал он.

Вернулся к столу.

На небольшом серебряном подносе возле папки стояли графин с водой и пузырёк лекарства.

Князь посмотрел на него. Сегодня он уже принимал капли. Кажется.

После ужина? Или перед? Он попытался вспомнить.

Обручев рассказывал историю о каком-то австрийском генерале. Мария спорила с Левицким о театре. Андрей был мрачен и почти не разговаривал. Елена улыбалась Арсеньеву, стараясь делать это так, чтобы отец не заметил.

Рождественский сидел слева. Да. Именно тогда князь почувствовал тяжесть в груди.

Доктор наклонился к нему.

Что он сказал? «Вам лучше принять обычное». И Ардатов принял.

Князь нахмурился. Покалывание вернулось. Теперь не под лопаткой. Глубже.

Он сделал вдох. Воздуха оказалось неожиданно мало.

Ардатов медленно опустился в кресло.

Несколько секунд сидел неподвижно.

— Николай Андреевич...

Он произнёс имя почти машинально. Потянулся к шёлковому шнуру звонка.

Рука остановилась в нескольких вершках от него.

Мысль появилась не сразу. Сначала только ощущение. Что-то неправильное.

Ардатов посмотрел на пузырёк. Потом на свою руку. Пальцы слегка дрожали.

Нет. Глупость. Он хорошо знал симптомы своей болезни. Подобное уже случалось.

Правда, не так...

Но ведь Рождественский предупреждал, что приступы могут становиться тяжелее.

Князь всё-таки коснулся шнура. И в этот момент вспомнил вкус. Едва заметный.

Не горечь лекарства — к ней он давно привык.

Что-то другое. На самом краю языка.

Ардатов медленно отвёл руку. Посмотрел на дверь. Теперь смеха не было слышно.

В коридоре кто-то прошёл. Шаги удалились. Князь взял пузырёк. Поднёс к свече.

Обычное коричневое стекло. Обычная этикетка. Он открыл пробку и понюхал.

Ничего.

Ардатов поставил лекарство обратно.

Сердце ударило один раз. Второй. Задержалось. Снова ударило. Князь побледнел. Впервые за этот вечер ему стало страшно.

Настоящий страх всегда приходит тихо. Без крика. Без паники.

Просто в какой-то момент человек понимает, что следующая минута может не наступить.

Ардатов снова посмотрел на пузырьёк. Потом на дверь.

Ему вспомнился разговор, состоявшийся несколько часов назад. Короткий.

Неприятный.

— Вы действительно намерены сделать это завтра?

— Да.

— После стольких лет?

— Именно после стольких лет.

— Вы понимаете, что последует?

— Теперь понимаю.

— Для вас уже ничего.

— Возможно.

— А для других?

Тогда Ардатов не ответил. Сейчас ответ пришёл сам. Для других — всё.

Он закрыл глаза. Перед ним снова появилась ночь двадцатипятилетней давности.

Не целиком. Отрывками. Дым. Лестница. Чужой крик. Рука на дверной ручке.

Человек рядом, повторяющий:

«Не открывай».

И три пламени свечи. Три.

Ардатов распахнул глаза. Свечи перед ним горели ровно.

Левая. Правая. Средняя.

Он смотрел на них дольше, чем требовалось.

Потом тихо произнёс:

— Значит, всё-таки дошло до этого.

Кому были адресованы слова, он и сам не знал.

Ардатов поднялся. Ноги плохо слушались. Пришлось опереться ладонью о стол.

Боль исчезла. Это напугало его больше, чем боль.

Вместо неё появилась тяжесть, будто грудь медленно заполняли мокрым песком.

Он снова посмотрел на звонок.

Позвать слугу? Позвать Рождественского?

Позвать Соболева?

Последняя мысль заставила его выпрямиться.

Дмитрий Петрович. Соболев находился в доме. Ардатов сам пригласил его на сегодняшний ужин. Совпадение?

Князь почти усмехнулся. Нет, разумеется. Никаких совпадений.

Он пригласил следователя по совершенно иной причине. Хотел посоветоваться о том, как передать бумаги так, чтобы после его смерти их невозможно было уничтожить или объявить выдумкой больного старика.

Они должны были поговорить сегодня ночью. После того как разойдутся гости. Не успели.

Ардатов протянул руку к бумаге. Взял перо. Макнул в чернила.

Написать имя было проще всего. Одно имя. Несколько букв. Соболев прочтёт.

Но князь не написал.

Перо зависло над бумагой. Потом медленно опустилось. Чернильная капля расплылась по чистому листу.

Ардатов подумал ещё несколько секунд. Имя ничего не докажет.

А если он ошибается?

Это было хуже всего. Он подозревал. Почти знал.

Но «почти» — самое опасное слово, когда собираешься обвинить человека в убийстве.

Кроме того, в комнате мог первым оказаться именно тот, чьё имя будет написано.

Бумага исчезнет.

Князь отложил перо.

— Думай.

Голос прозвучал слабо.

Ардатов стиснул зубы.

— Думай же.

В молодости ему часто говорили, что он обладает холодным умом. Позже именно это качество сделало его хорошим дипломатом. Даже когда все остальные видели стену, Ардатов искал дверь.

Сейчас дверь тоже существовала.

Нужно было только найти её раньше, чем остановится сердце.

Ардатов закрыл глаза.

Сердце билось неровно. Тяжесть в груди то отступала, то возвращалась, и теперь князь уже не пытался убедить себя, что это обычный приступ.

Он посмотрел на папку.

До утра.

Ему нужно было продержаться всего несколько часов.

Потом бумаги окажутся там, где должны оказаться, и всё, что четверть века существовало лишь в памяти нескольких людей, перестанет зависеть от их желания молчать.

Ардатов снова потянулся к шнуру звонка.

И снова остановился.

В коридоре слышались шаги.

Не торопливые. Не случайные.

Человек шёл прямо к кабинету.

Князь медленно выпрямился в кресле.

Шаги остановились за дверью.

Ардатов перевёл взгляд на три свечи.

Ещё несколько минут назад горели все три.

Теперь средняя была погашена.

Он нахмурился.

На мгновение в его лице появилось не удивление, а узнавание.

Будто тёмный фитиль напомнил ему нечто такое, чего в этой комнате не мог знать никто посторонний.

Ручка двери повернулась.

Ардатов не позвал слугу.

Не позвал доктора.

Только тихо произнёс:

— Значит, всё-таки пришёл.

Дверь открылась.

Князь увидел вошедшего.

И впервые за весь вечер испугался не смерти.

Глава I. Последний ужин

«За одним столом люди сидят рядом. Правда между ними — никогда».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Снег начался ещё до сумерек.

К девяти вечера Петербург заметно стих. Колёса экипажей проходили по мостовой глуше обычного, копыта лошадей вязли в рыхлом снегу, ветер с Невы бросал белую крупу в окна и заставлял редких прохожих глубже прятать лица в воротники.

Экипаж Дмитрия Петровича Соболева остановился у дома князя Ардатова без десяти девять.

Дом стоял несколько в стороне от шумной улицы — старый, трёхэтажный, с широким серым фасадом, высокими окнами второго этажа и тяжёлыми воротами во внутренний двор. За шторами горел мягкий жёлтый свет.

Соболев расплатился с извозчиком и задержался перед подъездом.

Приглашение князя оставалось для него загадкой.

С Александром Сергеевичем Ардатовым они не были близки. Несколько официальных встреч, два светских вечера, один короткий разговор в Канцелярии — пожалуй, и всё. Князь всегда держался с ним приветливо, но той особой приветливостью, которая заранее определяет границу между знакомством и дружбой.

Три дня назад Соболев получил собственноручную записку.

Ардатов приглашал его на ужин и просил после него уделить время одному частному разговору.

«Есть обстоятельства, которые я предпочёл бы не доверять бумаге».

Именно эта фраза и заставила Соболева приехать.

Дверь открыл высокий седой камердинер.

— Дмитрий Петрович Соболев?

— Да.

— Его сиятельство ожидает вас.

Он принял пальто, шляпу и перчатки.

В доме пахло воском, старым деревом и табаком. Коридор освещался электрическими лампами, но через открытые двери соседних комнат Соболев видел свечи и керосиновые лампы.

Князь Ардатов встретил его в большой гостиной.

— Дмитрий Петрович. Благодарю, что приехали.

Он протянул руку.

Соболев помнил Ардатова высоким, крепким человеком с прямой спиной и привычкой смотреть собеседнику в глаза чуть дольше, чем требовала вежливость. Сегодня впервые бросилась в глаза его худоба.

Лицо осунулось. Под глазами легли тени.

— Ваше приглашение было трудно оставить без ответа, Александр Сергеевич.

— Почему?

— Вы ничего не объяснили.

Ардатов усмехнулся.

— Любопытство всё-таки полезное качество следователя.

— Иногда оно просто мешает спокойно ужинать.

— Сегодня, надеюсь, не помешает.

Он сделал несколько шагов, затем остановился.

— О деле поговорим после ужина.

— Как пожелаете.

Ардатов будто собирался добавить что-то ещё, но передумал.

— Позвольте представить гостей.

В гостиной находилось восемь человек.

У камина сидела молодая женщина в тёмно-зелёном платье.

— Моя жена, Мария Павловна.

Княгиня поднялась.

Она была значительно моложе мужа — лет тридцати пяти или немного старше. Светлые волосы собраны высоко, лицо спокойно, взгляд внимательный.

— Дмитрий Петрович.

— Княгиня.

— Александр Сергеевич о вас говорил.

Соболев посмотрел на хозяина.

— Надеюсь, только то, за что не предусмотрено наказание.

Мария Павловна улыбнулась.

— Он сказал, что вы неприятный собеседник для человека, которому есть что скрывать.

— Значит, это была похвала.

— Именно так он и считал.

Ардатов кашлянул.

— Не пугай гостя раньше времени.

Возле окна стоял мужчина лет тридцати.

— Андрей, мой сын.

Андрей Александрович Ардатов пожал Соболеву руку.

— Мы встречались, Дмитрий Петрович.

— На скачках.

— Точно. Я тогда проиграл.

— Там многие проигрывают.

— Но не все это замечают.

— Я был там не по службе.

Андрей усмехнулся.

— Тем лучше.

В его лице ещё сохранялась молодость, но у глаз уже появились ранние складки, а пальцы двигались нервно и беспокойно.

— Елена.

Девушка у другого окна повернулась.

Ей было около двадцати четырёх. Тёмные волосы, серые глаза, спокойное лицо.

— Дмитрий Петрович.

— Очень приятно.

Рядом стоял молодой мужчина с аккуратно подстриженными усами.

— Виктор Михайлович Арсеньев.

Он поклонился.

— Мы прежде не встречались.

— Исправим.

— Надеюсь.

Арсеньев сказал это серьёзнее, чем требовала обычная светская фраза.

У камина стоял высокий сухой мужчина лет пятидесяти пяти.

— Полковник Сергей Павлович Обручев.

Военная служба угадывалась в нём сразу: по осанке, по повороту головы, по тому, как он держал плечи даже в покое.

Обручев протянул руку.

— О вас слышал.

— Хорошее?

— Нет.

Соболев приподнял бровь.

Полковник чуть улыбнулся.

— Но от людей, которых вы допрашивали. Можете считать это комплиментом.

— Непременно.

У небольшого столика сидела женщина в чёрном платье.

— Софья Николаевна Белецкая.

Она подняла глаза на Соболева и не торопилась вставать.

Ей было около пятидесяти. Возраст не уничтожил её красоту, а сделал менее очевидной.

— Следователь на званом ужине, — сказала она. — Не слишком добрый знак.

— Для кого?

— Вот это нам и предстоит узнать.

— Софья, — сухо произнёс Ардатов.

— Я пошутила.

— Ты никогда не шутишь случайно.

Белецкая посмотрела на него.

— Как и ты.

На мгновение между ними возникло что-то старое и понятное только им.

Ардатов отвернулся первым.

Последними Соболеву представили адвоката Павла Семёновича Левицкого и доктора Николая Андреевича Рождественского.

Левицкий был невысок, плотен и безукоризненно одет. Говорил мягко и осторожно.

Рождественский производил совершенно иное впечатление. Сухощавый, спокойный, с длинными пальцами и внимательным взглядом. Он не перебивал собеседника и никогда не торопился отвечать.

— Наконец познакомились, Дмитрий Петрович, — сказал он.

— Александр Сергеевич давно собирался нас столкнуть.

Ардатов посмотрел на него.

— Выбирайте выражения, Николай Андреевич.

— Познакомить, — поправился доктор. — Хотя первый вариант был живее.

К ужину перешли около половины десятого.

Столовая занимала почти половину этажа. Длинный стол мог вместить человек двадцать, но приборы поставили только в одном его конце, и потому ужин выглядел скорее семейным, чем парадным.

Соболева посадили справа от хозяина.

Слева от Ардатова оказался Рождественский.

Поначалу говорили о театре.

Левицкий утверждал, что публика теперь приходит на спектакли главным образом затем, чтобы увидеть знакомых и позволить знакомым увидеть себя.

— В таком случае пьеса становится досадной необходимостью, — заметила Мария Павловна.

— Именно.

— К опере это неприменимо, — сказал Обручев.

Белецкая посмотрела на него.

— Почему?

— Там хотя бы слушают музыку.

— Сергей Павлович, вы слишком высокого мнения о петербургской публике.

Ардатов рассмеялся.

— Петербург вообще лучше любить на расстоянии.

— Однако вы почти не уезжаете, — заметила жена.

— Потому и знаю.

Подали суп.

Соболев ел медленно и слушал.

Обычный званый ужин редко бывает действительно обычным. Люди приносят за стол прежние ссоры, долги, ревность, обиды, а затем несколько часов говорят о погоде и театре.

Здесь напряжение чувствовалось особенно заметно.

И при этом не имело одного центра.

Первым сорвался Андрей.

Он быстро осушил бокал и потянулся к бутылке.

Ардатов заметил.

— Хватит.

Сын посмотрел на него.

— Что?

— Ты слышал.

— Я сам решу, когда мне хватит.

— Не за моим столом.

Андрей замер.

Елена негромко сказала:

— Андрей, не надо.

— Я ничего не делаю.

Ардатов положил вилку.

— Тогда тем более остановись.

Сын усмехнулся.

— У тебя всё просто.

— Иногда это достоинство.

— Для тебя.

Мария Павловна подняла глаза.

— Андрей.

Он откинулся на спинку стула.

— Прошу прощения.

Но смотрел только на отца.

Через несколько минут разговор удалось вернуть в безопасное русло.

Арсеньев рассказывал о промышленном предприятии, которое собирался расширять.

— Вы по-прежнему считаете эту затею безрассудной? — спросил он Ардатов.

— Я считаю, что рисковать следует только тем, что принадлежит тебе.

Арсеньев слегка напрягся.

— Я рискую своими средствами.

— Не только.

Елена быстро посмотрела на отца.

— Папа.

— Что?

— Не сейчас.

— Я ничего не сказал.

— Именно.

Рождественский неожиданно коснулся руки князя.

— Александр Сергеевич.

— Что?

— Вино оставьте.
— Почему?
— Потому что уже достаточно.
— Один бокал.
— Почти два.
Ардатов раздражённо вздохнул.
— Вы совершенно невыносимы.
— Зато последовательны.
— Это вы о себе?
— О вашей болезни.
За столом стало тише.
Ардатов посмотрел на него тяжёлым взглядом.
— Не обязательно обсуждать её публично.
— Тогда не заставляйте меня.
Соболев перевёл взгляд на князя.
Тот заметно побледнел.
Мария Павловна увидела это одновременно с ним.
— Тебе плохо?
— Нет.
Рождественский уже взял его за запястье.
— Не двигайтесь.
Доктор считал пульс несколько секунд.
— Неровный.
— Это мне известно.
— Тогда примите обычное.
Князь поморщился.
— Сейчас?
— Сейчас.
Ардатов не стал спорить.
Слуга принёс маленький пузырёк и воду.
Рождественский отсчитал капли.
Ардатов выпил лекарство.
— Довольны?
— Пока.
— После ужина у меня разговор с Дмитрием Петровичем.
Рождественский посмотрел на Соболева.
— Надолго?
— Не знаю.
— Тогда постарайтесь недолго.
Ардатов усмехнулся.
— Видите, Дмитрий Петрович, насколько мало значит положение человека в обществе, если у него есть домашний врач.
— Некоторые формы власти действительно плохо регулируются законом.
Елена улыбнулась.
Даже Ардатов на этот раз рассмеялся.
Напряжение ослабло.
Ненадолго.
Когда подали десерт, Левицкий осторожно обратился к хозяину:
— Александр Сергеевич, относительно завтрашнего утра. Решение остаётся в силе?

Ардатов перестал резать грушу.

— Да.

— Тогда мне необходимо закончить бумаги сегодня.

— Заканчивайте.

Мария Павловна посмотрела сначала на адвоката, потом на мужа.

— Это о завещании?

Левицкий немедленно замолчал.

Ардатов некоторое время разглядывал жену.

— Частично.

— Ты собираешься его менять?

— Некоторые распоряжения.

— Какие?

— Мария.

— Я просто спросила.

— И я ответил настолько, насколько счёл нужным.

Андрей резко поднял голову.

— Ты меняешь завещание?

Ардатов повернулся к сыну.

— Не только завещание.

— Что это значит?

— Именно то, что я сказал.

— И когда ты собирался сообщить семье?

— Когда это станет необходимым.

— После своей смерти?

— Андрей, — тихо сказала Мария Павловна.

Но он уже не смотрел на неё.

— Ты специально собрал нас сегодня?

Ардатов медленно положил салфетку возле тарелки.

— Я пригласил людей на ужин.

— Очень удобно.

— Если тебе хочется устроить сцену, выбери другое время.

— Время ведь тоже выбираешь ты.

Ардатов не ответил.

Именно тогда Софья Белецкая спросила:

— Александр, ты действительно намерен всё сделать завтра?

Князь посмотрел на неё.

— Да.

Обручев, до этого почти не участвовавший в разговоре, поднял глаза.

— Всё?

Слово прозвучало негромко.

Но за столом снова стало тихо.

Ардатов встретился с ним взглядом.

— Всё, Сергей Павлович.

Рука Обручева медленно сжалась возле прибора.

— После стольких лет?

— Именно после стольких лет.

Софья Белецкая посмотрела на Обручева.

Рождественский — на Ардатову.

Левицкий опустил глаза.

Соболев впервые почувствовал, что семейные споры здесь только поверхность.

— О чём вы? — спросил Андрей.

Отец даже не повернул головы.

— Не о тебе.

— Сегодня это уже начинает льстить.

— Не стоит.

Ардатов поднялся.

Сделал это чуть медленнее, чем следовало.

На мгновение опёрся пальцами о край стола.

Рождественский сразу заметил.

— Александр Сергеевич.

— Не начинайте.

— Я ещё ничего не сказал.

— Тем хуже.

Князь посмотрел на гостей.

— Господа, прошу меня простить. Я немного устал.

Мария Павловна нахмурилась.

— Тебе стоит лечь.

— Через некоторое время.

Он повернулся к Соболеву.

— Дмитрий Петрович, дайте мне минут двадцать. Потом заходите в кабинет.

— Разумеется.

Ардатов задержал на нём взгляд.

— Не уходите без разговора.

— Не уйду.

Князь вышел.

Когда дверь закрылась, несколько секунд никто не заговорил.

Андрей первым нарушил молчание.

— Превосходно.

Мать резко посмотрела на него.

— Если собираешься продолжать, лучше выйди.

— Я уже ничего не говорю.

— Это ещё не значит, что ты успокоился.

Он хотел ответить, но махнул рукой.

Софья Белецкая поднялась.

— Я пройдуся.

— В зимнем саду холодно, — сказала Мария Павловна.

— Тем лучше.

Она вышла.

Через некоторое время поднялся Левицкий.

— Мне нужно проверить одну бумагу.

Никто не спросил какую.

Обручев продолжал сидеть.

Он смотрел на место, где только что находился хозяин.

Рождественский наблюдал за ним.

— Сергей Павлович, вы сегодня необычно молчаливы.

Обручев перевёл взгляд на доктора.

— В моём возрасте молчание уже считается достоинством.

— Вы никогда не злоупотребляли достоинствами.

Полковник усмехнулся.

— А вы, Николай Андреевич, никогда не умели останавливаться вовремя.

— Профессиональная привычка.

Обручев поднялся.

— Мне нужно пройтись.

Мария Павловна посмотрела на него.

— Только не беспокойте Александра.

— Разумеется.

Он направился к двери.

Соболев проводил его взглядом.

Ему всё ещё слышалось:

После стольких лет?

И ответ Ардатова:

Именно после стольких лет.

Елена и Арсеньев отошли к окну.

Они разговаривали негромко. По лицу девушки было видно, что разговор приятным не был.

Андрей снова налил вина.

На этот раз никто его не остановил.

Соболев подошёл к Марии Павловне.

— Александр Сергеевич давно болен?

Она посмотрела на него.

— Вы спрашиваете как знакомый или как следователь?

— Сегодня я приглашён как знакомый.

— Тогда отвечу. Несколько лет. Последние месяцы хуже.

— Сердце?

— Николай Андреевич говорит — сердце.

— А сам князь?

— Александр говорит, что врачи существуют главным образом для того, чтобы объяснять человеку, отчего он однажды умрёт.

Соболев слегка улыбнулся.

Мария Павловна не улыбнулась.

— В последнее время он изменился.

— Как?

Она посмотрела на дверь.

— Торопится.

— Куда?

— Не знаю.

Пауза.

— Последнюю неделю он разбирает бумаги, вызывает Левицкого, пишет какие-то письма. Вчера потребовал, чтобы утром пришёл нотариус.

— Из-за завещания?

— Возможно.

— Вы не знаете?

Она медленно покачала головой.

— Александр умел прожить с женщиной десять лет и всё равно оставить половину своей жизни за закрытой дверью.

В коридоре появились шаги.

Вернулся Обручев.

Он отсутствовал недолго.
Лицо его было спокойным.
Он подошёл к небольшому столику.
— Коньяк.
Слуга наполнил рюмку.
Соболев сказал:
— Сергей Павлович.
Обручев посмотрел на него.
— Да?
— Вы видели Александра Сергеевича?
Пауза была короткой.
— Нет.
— Вы пошли в сторону его кабинета.
— В той стороне ещё несколько комнат.
— Разумеется.
Обручев выпил.
— Вы всегда наблюдаете за людьми за ужином?
— Только когда они интереснее еды.
Полковник чуть улыбнулся.
— В таком случае мы сегодня оказали вам дурную услугу.
— Почему?
— Еда была превосходна.
Вернулась Софья Белецкая.
Она сразу посмотрела на Обручева.
— Вы говорили с ним?
— С кем?
— Сергей.
— Нет.
Софья несколько секунд смотрела на него.
— Хорошо.
Она села.
Через несколько минут появился Левицкий с папкой в руках.
— Мария Павловна, Александр Сергеевич просил передать ему эти бумаги сегодня.
— Отнесите.
Адвокат не двинулся.
— Думаю, лучше немного подождать.
— Почему?
— Он устал.
Соболев посмотрел на часы.
Прошло больше двадцати минут.
— Он просил меня зайти.
Рождественский поднял голову.
— Если ему снова плохо, позовите.
— Разумеется.
Соболев вышел в коридор.
Здесь было значительно тише.
Голоса из столовой почти не доносились. Только где-то в глубине дома звякнула посуда.
Кабинет находился в конце коридора.
Соболев подошёл.

Постучал.
— Александр Сергеевич.
Ответа не было.
Он подождал.
Постучал снова.
— Это Соболев.
Тишина.
Тогда он взялся за ручку.
Дверь открылась.
Первым он увидел свет.
На письменном столе стоял бронзовый подсвечник с тремя свечами.
Две горели.
Средняя была погашена.
Потом взгляд перешёл на раскрытую папку, бумаги, серебряный нож для бумаг.
И только затем Соболев увидел Ардатова.
Князь сидел в кресле, чуть завалившись вправо.
Из груди выступала серебряная рукоять стилета.
Соболев остановился.
— Александр Сергеевич.
Никакой реакции.
Он подошёл ближе, но тела не коснулся.
На белой рубашке возле стилета темнело небольшое пятно.
Соболев повернулся к двери.
— Николай Андреевич!
Шаги раздались почти сразу.
Рождественский вошёл первым.
Следом появилась Мария Павловна.
— Что случилось?..
Она увидела мужа.
— Александр.
Доктор уже был возле кресла.
— Не подходите.
Он коснулся пальцами шеи князя, расстегнул ворот рубашки, наклонился.
Несколько секунд в кабинете было слышно только потрескивание дров.
Потом Рождественский выпрямился.
— Александр Сергеевич умер.
Мария Павловна схватилась за дверной косяк.
За её спиной появились остальные.
Андрей увидел отца и рванулся вперёд.
— Что произошло?
Соболев остановил его.
— Не подходите.
— Это мой отец.
— Именно поэтому ничего не трогайте.
Андрей посмотрел на него, потом на стилет и остановился.
Елена стояла рядом с Арсеньевым, прижав ладонь к губам.
Левицкий побледнел.
Софья Белецкая не сводила глаз с тела.
Обручев смотрел на Ардатова неподвижно.

Соболев повернулся к камердинеру, появившемуся в коридоре.
— Закройте входные двери.
Тот растерянно переспросил:
— Простите?
— До приезда полиции никто не должен покидать дом.
Мария Павловна тихо сказала:
— Дмитрий Петрович...
— Сейчас лучше ничего не трогать и никого не отпускать.
Рождественский посмотрел на стилет.
— Вы считаете, что его убили?
— Я считаю, что до приезда властей мы должны сохранить всё так, как нашли.
Андрей резко сказал:
— Вы ведь не ведёте это дело.
Соболев повернулся к нему.
— Нет.
Реплика прозвучала спокойно.
— Поэтому я ничего и не расследую. Я только не хочу, чтобы до приезда следствия здесь исчезло то, чего потом будут искать.
Андрей промолчал.
Соболев обошёл стол, не касаясь вещей.
Его взгляд задержался на рубашке князя.
Крови было немного.
Но выводов он не сделал.
Пока.
Потом он посмотрел на подсвечник.
Три свечи.
Две горели.
Средняя была погашена.
Соболев наклонился чуть ближе.
Фитиль не был задут.
Его вдавили в расплавленный воск.
— Кто-нибудь подходил к подсвечнику после того, как князя нашли?
Все молчали.
Рождественский покачал головой.
— Я не видел.
Мария Павловна спросила:
— Что там?
Соболев выпрямился.
— Пока не знаю.
За окном порыв ветра бросил снег в стекло.
Пламя двух свечей дрогнуло.
Третья осталась тёмной.
Соболев перевёл взгляд на людей у двери.
Ещё час назад все они были гостями князя Ардатова.
Теперь каждый из них должен был вспомнить этот вечер заново.

Глава II. Особое поручение

«Есть дела, которые поручают по должности. А есть те, которые поручают человеку».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Утро оказалось серым.

Снег, шедший почти всю ночь, к рассвету прекратился. На крышах лежали ровные белые пласты, вдоль мостовой высились тяжёлые сугробы, уже тронутые копытю и колёсами первых экипажей. Дворники скребли лопатами тротуары, лошади осторожно ступали по рыхлой каше, и Петербург медленно возвращался к привычному шуму.

Дмитрий Петрович Соболев не спал.

Из дома Ардатовых он вернулся далеко за полночь, снял пальто и сюртук, но в спальню так и не пошёл. Некоторое время сидел у окна, потом зажёл настольную лампу и попытался заняться старыми карманными часами, которые разбирал уже несколько недель.

На белом листе бумаги лежали крошечные винты, шестерёнки и пружина.

Соболев осторожно взял пинцет.

Колесо не вставало на место.

Он повернул его.

Попробовал снова.

Безуспешно.

Отложил пинцет.

Перед глазами опять возник кабинет Ардатова.

Стилет.

Небольшое тёмное пятно на рубашке.

Три свечи.

Две горящие.

Одна погашенная.

Соболев раздражённо закрыл корпус часов.

Не его дело.

По крайней мере, пока.

В доме Ардатовых он сделал только необходимое. Попросил никого не покидать особняк до приезда полиции, велел не трогать кабинет и проследил, чтобы слуги не начали приводить комнату в порядок по привычке.

Прибывший полицейский чиновник, Александр Егорович Зуев, узнав Соболева, заметно приободрился.

— Дмитрий Петрович, раз уж вы здесь...

— Я здесь как гость.

— Но вы видели тело первым.

— Почти первым.

— Тем более. Может быть, осмотрим вместе?

Соболев покачал головой.

— Вы ведёте дело, Александр Егорович.

— Пока веду.

— Вот именно.

Зуев внимательно посмотрел на него и понял без дополнительных объяснений.

Смерть князя Ардатова была слишком заметным событием, чтобы к утру расследование не оказалось предметом решения более высокого уровня.

Соболев не стал гадать, кому его поручат.

Он не любил предположений там, где ответ должен появиться сам.

Около семи утра в комнату вошла Прасковья Матвеевна.

Она остановилась у стола.

— Дмитрий Петрович, вы вообще ложились?

— Нет.

— Я так и подумала.

— На основании чего?

— Свет всю ночь горел.

— Слабое доказательство.

— А чай со вчерашнего вечера нетронутый.

— Уже лучше.

Она покачала головой и собрала чашку.

— Вам бы над собой следствие вести.

— Боюсь, виновного найдём слишком быстро.

Прасковья Матвеевна вышла и вскоре вернулась со свежим чаем.

— Есть будете?

— Нет.

— Это не ответ.

— Тогда нет, но убедительно.

Она только вздохнула.

В прихожей раздался звонок.

Через минуту Прасковья Матвеевна принесла конверт.

— Посыльный из Канцелярии.

Соболев посмотрел на часы.

Без четверти восемь.

— Рано.

— Может, потому и срочно.

Он сломал печать.

Записка была короткой.

«Дмитрию Петровичу Соболеву надлежит прибыть в Канцелярию к девяти часам.
Князь Барятинский».

Соболев сложил бумагу.

Прасковья Матвеевна внимательно следила за его лицом.

— Плохое?

— Рабочее.

— Это хуже или лучше?

— Обычно дольше.

Он наконец взял чашку.

Через сорок минут Соболев ехал в Канцелярию.

Город уже окончательно проснулся. У газетных лавок собирались люди, на перекрёстках громыхали экипажи, извозчики выкрикивали друг другу ругательства через заснеженную улицу.

О смерти Ардатова в утренних газетах ещё не могло быть ни строки.

Но Соболев не сомневался: к полудню слух разойдётся по городу, а к вечеру появятся подробности, которых никто никогда не видел.

Так происходило всегда.

Чем меньше люди знали, тем охотнее рассказывали.

В Канцелярии уже работали.

Коридоры пахли бумагой, мокрой шерстью, угольным дымом и свежими чернилами. Служащие торопливо проходили с папками, за дверями кабинетов слышались голоса и звонки.

Соболев поднялся на второй этаж.
Секретарь Барятинского встретил его у двери.
— Дмитрий Петрович. Его сиятельство ждёт.
— Давно?
— Сегодня все кого-нибудь ждут.
— Понятно.
Он вошёл.
Князь Барятинский стоял возле окна.
На письменном столе лежали несколько папок. Одна из них была новой.
На обложке крупно значилось:
«Ардатов А. С.»
Барятинский повернулся.
— Доброе утро, Дмитрий Петрович.
— Судя по папке, не очень.
— Садитесь.
Соболев сел.
Барятинский ещё несколько секунд стоял у окна, затем вернулся к столу.
— Сегодня ночью в собственном доме погиб князь Александр Сергеевич Ардатов.
— Я был там.
— Знаю.
Барятинский сел напротив.
— С этого утра дело поручено вам.
Ни вступления, ни вопроса, ни предложения.
Соболев посмотрел на папку.
— Решение окончательное?
— Оно подписано.
— По обычному порядку дело должно вести другое ведомство.
— По обычному порядку князей не находят со стилетом в груди через несколько минут после ужина, за которым сидит следователь Царской канцелярии.
Соболев поднял глаза.
— Моё присутствие стало причиной?
— Одной из причин.
— Какие остальные?
Барятинский немного помолчал.
— Фамилия погибшего. Его положение. Круг знакомств. И тот факт, что уже сегодня утром нашлось достаточно людей, желающих знать, как будет идти расследование.
— Имена?
— Вам они пока ни к чему.
— Если кто-нибудь собирается вмешиваться, мне как раз полезно знать имя.
— Если вмешаются — узнаете.
Соболев чуть усмехнулся.
— Удобно.
— Очень.
Барятинский подвинул папку.
— Полицейский рапорт. Первичный осмотр. Список присутствовавших. Предварительное заключение доктора Рождественского.
Соболев открыл первую страницу.
Время обнаружения тела.
Стиллет.

Кабинет без признаков взлома.
Предполагаемая причина смерти — колотая рана в области груди.
Соболев перелистнул лист.
— Князя вскрывали?
— Ещё нет.
— Кто будет проводить исследование?
— Назовите врача.
— Корсаков.
Барятинский кивнул.
— Распоряжусь.
Соболев продолжил читать.
— Зуев ночью опросил всех?
— Кратко.
— И отпустил часть гостей.
— После четырёх.
Соболев поднял глаза.
— Кто именно уехал?
— Обручев, Левицкий, Белецкая и Арсеньев. Доктор остался до утра. Семья в доме.
— Хорошо.
— Вам это не нравится?
— Мне нравится, когда люди остаются там, где их можно найти.
— Их можно найти.
— Это несколько другое.
Барятинский откинулся в кресле.
— Что вы заметили вчера?
Соболев закрыл папку.
— Вы спрашиваете до того, как я официально начал расследование?
— Я спрашиваю человека, который первым вошёл в кабинет.
Соболев немного подумал.
— Ардатов сидел в кресле. Стиллет в груди. Крови меньше, чем я ожидал увидеть при таком ранении. На столе бумаги и пузырёк лекарства. Три свечи.
— Что со свечами?
— Одна погашена.
Барятинский пожал плечами.
— И?
— Её не задули. Фитиль утопили в воске.
— Это важно?
— Не знаю.
— Тогда почему запомнили?
Соболев посмотрел на него.
— Потому что обычные вещи люди делают обычным способом.
Барятинский несколько секунд молчал.
— Что ещё?
— За ужином Ардатову стало плохо. Рождественский дал ему лекарство.
— Это есть в показаниях.
— Доктор сам отсчитал капли.
— Вы подозреваете Рождественского?
— Нет.
— Почему?

— Потому что ещё не расследовал.
— Хороший ответ.
Соболев снова открыл папку.
— Ардатов приглашал меня не на убийство.
Барятинский сухо улыбнулся.
— Надеюсь.
— Он хотел поговорить после ужина.
— Об этом тоже известно.
Соболев поднял голову.
— Откуда?
— Его секретарь подтвердил, что записка вам отправлялась по личному распоряжению князя. Кроме того, вчера днём Ардатов говорил Левицкому, что вечером намерен советоваться с вами.
— Левицкий знает о чём?
— Утверждает, что нет.
— Поверили?
— Я не обязан верить адвокатам. Для этого у меня есть вы.
Соболев перелистнул несколько листов.
— Князь говорил мне только, что дело частное и он не хочет доверять его бумаге.
— И всё?
— Всё.
— Никаких намёков?
Соболев вспомнил ужин.
— Один разговор.
Барятинский ждал.
— Левицкий спросил Ардатова, остаётся ли в силе решение насчёт следующего утра.
Ардатов ответил утвердительно.
— Завещание?
— Возможно, не только.
— Почему?
— Сам так сказал.
Соболев сделал паузу.
— Потом Белецкая спросила, действительно ли он собирается сделать всё завтра.
Барятинский чуть нахмурился.
— И?
— Обручев повторил: «Всё?» А затем спросил: «После стольких лет?»
— Ардатов ответил?
— «Именно после стольких лет».
Барятинский перестал листать бумаги.
— Значит, Обручев знает, о чём шла речь.
— Похоже.
— Вы говорили с ним после?
— Только спросил, видел ли он Ардатова. Он ответил, что нет.
— Верите?
— Пока не имею оснований не верить.
Барятинский посмотрел на Соболева.
— Обычно вы звучите менее миролюбиво.
— Я ещё не начал.
Князь достал из папки лист с печатью и протянул ему.

— Теперь начали.

Соболев взял распоряжение.

Барятинский говорил уже совершенно официально:

— Вам поручается расследование обстоятельств смерти князя Александра Сергеевича Ардатова. В вашем распоряжении необходимое содействие полиции, судебно-медицинской службы и сотрудников Канцелярии. Все материалы по делу передаются непосредственно вам.

Соболев прочёл лист.

— Лебедев?

— Разумеется.

— Никаких промежуточных докладов другим чиновникам?

Барятинский слегка прищурился.

— Вы заранее готовитесь ссориться?

— Я заранее выясняю, кому докладывать.

— Мне.

— Только вам?

— Только мне.

Соболев сложил документ.

— Тогда понятно.

Барятинский откинулся в кресле.

— Нет, Дмитрий Петрович. Ещё не понятно.

— Что именно?

— Масштаб внимания.

Он постучал пальцем по папке.

— Ардастов был известен при дворе, в финансовых кругах, среди дипломатов. Его родственники имеют связи. Обручев — полковник. Левицкий представляет несколько очень заметных фамилий. Если расследование затянется, вокруг него появится слишком много советчиков.

— А если не затянется?

— Появятся быстрее.

Соболев усмехнулся.

— Оптимистично.

— Поэтому одно условие.

— Я ждал.

— Не условие в смысле ограничения. Напротив.

Барятинский посмотрел на него прямо.

— Не делайте скидок никому.

Соболев промолчал.

— Ни княгине. Ни сыну. Ни полковнику. Ни врачу. Если понадобится задать неприятный вопрос — задавайте.

— Я обычно так и делаю.

— Именно поэтому дело у вас.

Несколько секунд они молчали.

Барятинский продолжил:

— И ещё. Не ищите большой причины только потому, что убит большой человек.

Соболев внимательно посмотрел на него.

— Вы что-то знаете?

— Нет.

— Тогда откуда совет?

— Из опыта. Когда убивают князя, все немедленно начинают искать политику, деньги или заговор. Иногда человек умирает по причине, которая со стороны кажется совершенно ничтожной.

— А для убийцы?

— Для убийцы она никогда не ничтожна.

Соболев убрал распоряжение во внутренний карман.

— Теперь это звучит почти как напутствие.

— Не привыкайте.

Он поднялся.

Соболев тоже встал.

Барятинский протянул руку.

— Мне нужен не быстрый ответ, Дмитрий Петрович.

— Хорошо.

— Мне нужен тот, который выдержит проверку.

Соболев пожал ему руку.

— Это обычно занимает дольше.

— Поэтому я и не назначил человека побыстрее.

У двери Соболев остановился.

— Если начнут интересоваться ходом дела?

— Пусть интересуются.

— Если потребуют отчёта?

— Отправляйте ко мне.

— Если будут жаловаться на методы?

Барятинский впервые за разговор улыбнулся.

— Особенно отправляйте ко мне.

Соболев вышел в коридор.

Лебедев ждал у окна.

В руках у него была папка, под мышкой — записная книжка.

— Дмитрий Петрович.

— Уже знаете?

— Вас вызвали к Барятинскому после убийства князя Ардатова. Даже мне удалось сопоставить два обстоятельства.

— Прогресс впечатляет.

Лебедев улыбнулся.

— Назначили?

— Назначили.

Лицо помощника сразу стало серьёзнее.

— Значит, мы ведём?

— Мы.

— Что известно?

— Пока почти ничего.

— Убит стилетом?

— Это известно всем.

— В кабинете?

— Тоже.

— Тогда что известно только нам?

Соболев посмотрел на него.

— Пока ничего.

— Хорошее начало.

— Лучшее. Когда в начале дела следователь уже знает разгадку, обычно это означает, что он ошибается.

Они пошли по коридору.

— Что сделать? — спросил Лебедев.

— Узнайте, кто ночью первым прибыл в дом Ардатовых, кто осматривал кабинет, кто опрашивал слуг и кто разрешил гостям уехать.

— Зуев.

— Это я знаю. Нужны детали.

— Понял.

— Где стилет?

— Выясню.

— Пузырёк с лекарством тоже.

Лебедев посмотрел на него.

— Лекарство?

— Ардатов принимал его за ужином.

— Думаете, яд?

Соболев остановился.

— Алексей Николаевич.

— Да?

— Никогда не влюбляйтесь в первую красивую версию.

— Я просто спросил.

— Вот и продолжайте пока только спрашивать.

Лебедев кивнул.

— А свечи?

Соболев посмотрел на него.

— Какие свечи?

— Уже слышал, что в кабинете что-то со свечами.

— От кого?

— Зуев говорил внизу.

Соболев помолчал.

— Видите, а я только что собирался попросить сохранить детали осмотра в тайне.

— Поздно?

— В Петербурге всегда поздно.

Через двадцать минут они выехали из Канцелярии.

По дороге Соболев почти не разговаривал.

Лебедев несколько раз открывал записную книжку, что-то отмечал, затем закрывал.

Особняк Ардатовых при дневном свете выглядел иначе.

Ночью яркие окна и снег скрывали тяжесть фасада. Теперь дом стоял серым, неподвижным, со спущенными шторами второго этажа.

У подъезда дежурил городской.

Камердинер открыл им почти сразу.

За ночь он заметно осунулся.

— Дмитрий Петрович.

— Доброе утро.

— Княгиня в гостиной.

— Кто ещё в доме?

— Андрей Александрович и Елена Александровна. Николай Андреевич Рождественский уехал утром. Остальные разъехались ночью с разрешения полиции.

— Во сколько уехал Обручев?

Камердинер задумался.

— Около четырёх.

— Белецкая?

— Чуть раньше.

— Левицкий?

— Кажется, вместе с полковником.

— Арсеньев?

— После трёх.

Лебедев записывал.

— Кабинет заперт?

— Опечатан.

— Кто-нибудь входил туда после отъезда полиции?

— Нет, Дмитрий Петрович.

— Уверены?

Камердинер выпрямился.

— Я сам следил.

— Хорошо.

Он уже собирался провести их дальше, но Соболев остановил его.

— Как вас зовут?

— Фёдор Гаврилович Чистяков.

— Давно служите у Ардатовых?

— Двадцать два года.

Соболев посмотрел на Лебедева.

Тот сделал ещё одну запись.

— Нам понадобится поговорить.

— Разумеется.

— Но сначала доложите княгине, что мы приехали по делу.

Камердинер чуть изменился в лице.

— Официально?

— Официально.

В гостиной было прохладно.

Камин не зажигали.

Мария Павловна стояла возле окна в чёрном платье.

Она обернулась, когда вошёл Соболев.

— Дмитрий Петрович.

— Княгиня.

Соболев представил Лебедева.

— Алексей Николаевич Лебедев, мой помощник.

Лебедев поклонился.

Мария Павловна посмотрела на обоих.

— Вы снова здесь.

— Теперь по службе.

На её лице не отразилось удивления.

Соболев продолжил:

— С этого утра расследование смерти Александра Сергеевича официально поручено мне.

— Канцелярией?

— Да.

Она немного помолчала.

— Значит, дело сочли достаточно важным.
— Убийство в собственном доме редко считают неважным.
— Вы уже уверены, что это убийство?
Соболев посмотрел на неё.
— Я уверен только в том, что обстоятельства смерти требуют расследования.
— Осторожный ответ.
— Пока других быть не должно.
Мария Павловна отошла от окна.
— Что вы хотите узнать?
— В конечном счёте — кто и почему убил вашего мужа, если выяснится, что его действительно убили.
— А сейчас?
— Сейчас — что происходило в этом доме вчера вечером.
Она посмотрела на Лебедева.
— Вы начнёте допрашивать семью?
— Позже.
— Почему?
— Потому что вы уже успели подумать о случившемся.
Мария Павловна слегка нахмурилась.
— А это плохо?
— Для памяти — иногда.
— Тогда с кого начнёте?
Соболев посмотрел в сторону двери.
— Со слуг.
— Почему именно с них?
— Они не участвовали в разговорах за столом.
— И потому знают меньше.
— Наоборот.
Он надел перчатки.
— Гости следили друг за другом только тогда, когда им было интересно.
Соболев сделал короткую паузу.
— Слуги следили за всеми постоянно.
Мария Павловна смотрела на него несколько секунд.
— Александр говорил, что вы начинаете не с тех вопросов, которых от вас ждут.
— Иногда это экономит время.
— А иногда?
— Показывает, чего люди боялись ещё до того, как я начал спрашивать.
Он повернулся к Лебедеву.
— Алексей Николаевич, найдите Фёдора Гавриловича. И попросите собрать отдельно тех, кто подавал вчера ужин.
— Всех?
— Всех.
— А вы?
Соболев посмотрел на закрытую дверь, за которой начинался коридор к кабинету Ардатова.
— Я пока хочу пройти тот путь, который вчера прошёл князь.
Мария Павловна тихо спросила:
— Зачем?
Соболев ответил не сразу.

— Потому что человек редко оставляет после себя только тело. Обычно остаётся ещё последовательность его последних действий.

Он направился к двери.

Расследование смерти князя Ардатова началось.

Глава III. Стиллет

«Орудие преступления редко лжёт. Люди лгут за него».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Коридор, ведущий к кабинету князя Ардатова, при дневном свете казался короче.

Ночью Соболев прошёл его, ожидая обычного разговора с хозяином дома. Теперь рядом находился Лебедев, внизу ждали слуги, а на двери кабинета темнела полицейская печать.

Соболев остановился перед ней.

— После ночного осмотра сюда входили?

Лебедев открыл записную книжку.

— По записи городского — нет. Последними вышли Зуев, его помощник и полицейский фотограф. После этого дверь опечатали.

— Рождественский?

— Ушёл раньше. После того как извлекли стилет.

Соболев повернул голову.

— Кто разрешил извлечь?

— Зуев. Доктор сказал, что дальнейшее положение оружия уже ничего не изменит.

— Изменило.

— Что именно?

— Теперь мы увидим рану отдельно от оружия и оружие отдельно от раны. А ночью они составляли одну картину.

Лебедев кивнул.

— Записать?

— Нет. Это не факт. Это моё раздражение.

Он осмотрел сургуч.

Печать была цела.

Соболев предъявил городовому распоряжение о передаче дела, снял печать и открыл дверь.

В кабинете стоял холод.

Ночью в камине ещё горели дрова, теперь там лежала лишь серая зола. Воздух пах воском, старым табаком и чем-то металлическим, едва различимым.

Тела не было.

От этого комната выглядела почти обыкновенной.

Будто хозяин вышел ненадолго и скоро вернётся.

Только кресло возле письменного стола разрушало это впечатление.

Соболев вошёл.

— Пока ничего не трогайте.

— Даже записную книжку?

— Книжку можете.

— Благодарю.

Соболев не ответил.

Сначала он прошёл к окнам.

Обе рамы были закрыты. Внутренние шпингалеты опущены.
Он наклонился, осмотрел подоконник.
Пыль лежала ровно.
— Окна ночью открывали?
— В рапорте этого нет.
— Спросим отдельно.
Лебедев сделал пометку.
Соболев повернулся к комнате.
Письменный стол.
Кресло.
Книжные шкафы.
Небольшой оружейный шкафчик.
Камин.
Диван у стены.
Ничего лишнего.
Никаких опрокинутых предметов, сломанных вещей, следов борьбы.
На столе оставались закрытая папка, пузырёк лекарства, графин с водой, чернильница,
перо и серебряный нож для бумаги.
Стилета не было.
— Где он сейчас?
— У полицейского врача Дорофеева.
— Почему ещё там?
— Я уже послал человека.
Соболев посмотрел на помощника.
— Хорошо.
Он подошёл к столу.
Бронзовый подсвечник стоял там же.
Три свечи.
Левая и правая были оплавлены почти одинаково.
Средняя оказалась немного выше остальных.
Фитиль лежал в застывшем воске.
Лебедев подошёл ближе.
— Значит, её погасили раньше двух других.
— Похоже.
— Насколько раньше?
— Вот это пусть определяет тот, кто умеет по воску считать время.
— Такие есть?
Соболев посмотрел на него.
— Надеюсь, нет.
Лебедев усмехнулся.
Соболев наклонился к средней свече.
На поверхности воска возле фитиля сохранилась узкая бороздка.
— Видите?
Лебедев приблизился.
— Чем-то прижали.
— Вероятно.
— Ножом для бумаги?
На столе действительно лежал серебряный нож.
Соболев перевёл взгляд с него на свечу.

— По ширине может подойти.

— Проверим?

— Позже. Сначала сфотографируем так, как есть.

Лебедев записал.

— Если это сделал убийца...

Соболев поднял глаза.

— Мы пока не знаем, кто это сделал.

— Хорошо. Если это сделал тот, кто находился здесь перед смертью князя, зачем понадобилось так гасить свечу?

— Не знаю.

— Света мешала?

Соболев оглядел комнату.

Днём вопрос казался почти нелепым, но ночью две оставшиеся свечи вместе с камином давали достаточно света.

— Если мешал свет, проще было погасить все три.

— Значит, дело не в свете.

— Возможно.

Лебедев вздохнул.

— Вы сегодня решительно отказываетесь давать нормальные ответы.

— Нормальный ответ должен появляться после факта, а не вместо него.

Соболев отошёл от стола.

Кресло князя стояло немного под углом.

Он задержался возле него.

Вспомнил ночную картину.

Ардатов сидел чуть завалившись вправо. Голова откинута. Правая рука опущена возле подлокотника.

Соболев присел.

На ковре под передней ножкой кресла была заметна старая глубокая вмятина. Нынешняя ножка стояла немного в стороне.

— Алексей Николаевич.

Лебедев подошёл.

— Что?

Соболев указал на ковёр.

— Кресло стояло иначе.

Лебедев наклонился.

— Его передвинули?

— Когда-то передвинули.

— Это может быть вчера?

— Может.

— А может неделю назад?

— Тоже может.

Лебедев выпрямился.

— Тогда это пока бесполезно.

— Нет. Просто пока неизвестно, полезно ли.

Соболев оглядел ножки кресла.

На ковре имелось ещё несколько слабых следов. Кресло явно двигали регулярно.

— Не будем делать из этого улику раньше времени.

Он встал.

На ковре возле кресла оставались несколько небольших тёмных пятен.

Кровь.

Соболев долго смотрел на них.

Лебедев тоже.

— Ночью казалось, её больше.

— Потому что смотрели на стилет.

— На рубашке тоже немного.

Соболев кивнул.

— Немного.

— Для ранения в сердце...

— Не продолжайте.

— Почему?

— Потому что мы оба не врачи.

Лебедев помолчал.

— Но вы тоже считаете это странным.

— Я считаю странным только то, что вижу: вокруг человека с клинком в груди оказалось меньше крови, чем я ожидал.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Первое — наблюдение. Второе уже требует объяснения.

Лебедев записал и, подумав, перечеркнул половину строки.

Соболев заметил.

— Что убрали?

— Собственный вывод.

— Есть надежда.

Они подошли к оружейному шкафу.

Он был застеклённым, невысоким, встроенным между книжными полками. За стеклом на тёмной ткани лежали два старинных пистолета, кортик, несколько кинжалов и короткая восточная сабля.

Одно место пустовало.

Узкое.

По форме подходившее для стилета.

— Отсюда? — спросил Лебедев.

— Скорее всего.

Дверца не была заперта.

Соболев слегка потянул её.

Открылась.

— Замка нет.

— Любой мог взять оружие.

— Любой, кто находился в кабинете.

Лебедев посмотрел на ручку дверцы.

— Здесь будто протирали.

Латунная накладка действительно блестела сильнее соседних деталей.

Соболев наклонился.

— Или её просто часто трогали.

— Прислуга?

— Возможно.

— Убийца?

Соболев посмотрел на него.

— Вам очень хочется скорее познакомиться с убийцей.

— Мы всё-таки его ищем.

— Поэтому не надо видеть его в каждом пятне на металле.
Он закрыл шкафчик.
— Узнайте у камердинера, кто обычно вытирал стекло и ручку.
— Хорошо.
— И когда это делали последний раз.
Соболев снова посмотрел на пустое место.
— Что известно о рукояти стилета?
Лебедев пролистал записи.
— Ночью пытались снять следы пальцев. Дорофеев отметил, что поверхность почти чистая. У основания кровь.
— «Почти»?
— Так написано.
— Значит, дождёмся оружия.
— Если рукоять вытерли, это уже интереснее.
— Если вытерли до убийства?
Лебедев задумался.
— Тогда нет.
— Если после?
— Тогда да.
— А если её часто протирали хозяин коллекции?
— Опять ничего.
— Вот видите.
Лебедев захлопнул книжку.
— Вам нравится разрушать версии ещё до того, как они успевают появиться.
— Мне нравится, когда они сначала заслуживают право появиться.
В дверях послышались шаги.
Вошёл полицейский фотограф с камерой и штативом.
Соболев указал на подсвечник, кресло, ковёр, шкаф и весь стол.
— Сначала общий вид. Потом отдельно свечи. Обязательно сверху и сбоку.
— Хорошо.
— Воск крупно.
— Сделаем.
— Кресло вместе с ковром.
Фотограф кивнул.
Пока тот устанавливал аппарат, Соболев подошёл к папке.
Полицейская лента оставалась на месте.
— Её ночью читали? — спросил он.
— Зуев открыл, посмотрел первые листы и решил не разбирать без официального следователя.
— Разумно.
Соболев снял ленту.
Внутри находилось семь листов.
Первый — черновик какого-то распоряжения.
Второй — письмо, начатое и не законченное.
Дальше несколько страниц собственноручных записей Ардатова.
Соболев не стал читать содержание сразу.
Сначала пересчитал бумаги.
Проверил кармашек папки.
Осмотрел края.

Лебедев наблюдал.

— Ищете недостающий лист?

— Ищу всё, чего здесь может не быть.

— Откуда мы узнаем, что его нет?

— Иногда никак.

На внутренней стороне папки была чуть более светлая полоса.

Соболев провёл взглядом по ней.

— Здесь долго лежало что-то прямоугольное.

— Ещё бумага?

— Или конверт.

— Исчез?

— Может быть. А может, князь сам его убрал месяц назад.

Он перелистнул страницы.

На одной находилось несколько фамилий.

На другой — дата двадцатипятилетней давности.

Ниже — название иностранного города.

Лебедев заглянул.

— Знакомо?

— Нет.

— А фамилии?

— Тоже.

— Значит, это и есть то, о чём Ардагов хотел говорить с вами.

Соболев посмотрел на него.

— Почему?

— Папка лежала перед ним в ночь смерти. Он приглашал вас на разговор. В ней старые записи. Всё сходится.

— Слишком быстро сходится.

— Но логично.

— Логика без проверки иногда просто хороший способ ошибиться.

Соболев продолжил чтение.

Большинство заметок были короткими, почти конспективными. Несколько дат. Инициалы. Суммы. Названия мест.

Ничего, что прямо объясняло бы убийство.

Прямого объяснения смерти князя в записях не было.

— Выпишите фамилии и дату, — сказал он.

Лебедев удивился.

— А минуту назад вы не хотели.

— Минуту назад я ещё не прочитал бумаги.

— Теперь считаете важными?

— Теперь считаю, что их надо помнить.

— Есть разница?

— Большая.

Лебедев принялся записывать.

Соболев закрыл папку.

— Пока никаких поисков по этим фамилиям.

— Почему?

— У нас перед носом восемь живых людей и дом, полный свидетелей. Не хочу начинать с двадцатипятилетней давности только потому, что она выглядит загадочно.

— Но князь собирался о ней говорить.

— Возможно.
— Вы сами сказали «возможно».
— Учитесь.
Лебедев улыбнулся.
В дверях появился камердинер Фёдор Гаврилович.
— Дмитрий Петрович, приехал господин Корсаков.
— Просите.
Через минуту вошёл Иван Матвеевич Корсаков.
Невысокий, плотный, с седой бородой и тяжёлым кожаным саквояжем.
Он осмотрел комнату ещё с порога.
— Доброе утро.
— Для вас, возможно.
— Раз есть работа — уже неплохо.
Корсаков поставил саквояж.
— Тело доставили?
— Да. Я оттуда.
Соболев сразу повернулся.
— Уже смотрели?
— Наружно.
— И?
Корсаков снял перчатки.
— И я не люблю делать выводы в прихожей.
— Мы в кабинете.
— Для выводов всё равно рано.
Лебедев едва заметно улыбнулся.
Соболев указал на кресло.
— Здесь сидел князь.
Корсаков подошёл.
Посмотрел на пятна крови.
Наклонился.
— Это всё?
— На месте — да. На одежде ещё небольшое пятно вокруг раны.
Корсаков не ответил сразу.
Осмотрел ковёр.
— Крови немного.
Соболев повернулся к Лебедеву.
— Теперь можете записать.
— Уже.
Корсаков поднял голову.
— Что вы ему запретили?
— Быть врачом.
— Разумно.
Доктор присел возле кресла.
— Где оружие?
— Сейчас везут от Дорофеева.
Корсаков недовольно поморщился.
— Зачем его вообще вынимали?
— Рождественский счёл, что это необходимо.
— Домашние врачи после смерти пациентов неожиданно начинают торопиться.

Соболев посмотрел на него.

— Это намёк?

— Это раздражение.

— Значит, совпадаем.

Корсаков выпрямился.

— Рана узкая. По наружному осмотру направление определить можно приблизительно.

Полный ответ будет после вскрытия.

— Сердце повреждено?

— Вероятно.

— Вероятно?

— Дмитрий Петрович, если хотите категорических ответов до вскрытия, пригласите гадалку.

— Не хочу.

— Тогда ждите.

Соболев кивнул.

— Малое количество крови может что-нибудь означать?

Корсаков посмотрел на него внимательно.

— Может.

— Что именно?

— Несколько разных вещей. Характер повреждения. Положение тела. Работа сердца в момент ранения. Давление.

— Работа сердца?

— Да.

— То есть?

Корсаков некоторое время молчал.

— Если кровообращение уже было резко ослаблено, наружного кровотечения может оказаться меньше, чем ожидаешь.

Лебедев перестал писать.

Соболев спросил:

— Человек мог уже умирать?

— Мог.

— От другой причины?

— Мог.

— И стилет тогда...

Корсаков поднял ладонь.

— Нет.

— Что нет?

— Не продолжайте за меня.

Соболев чуть улыбнулся.

— Хорошо.

— Я сказал только, что малое количество крови допускает разные объяснения. После вскрытия будет понятнее.

— Когда?

— К вечеру дам предварительное заключение.

— Мне нужен точный ответ на один вопрос.

— Какой?

— Мог ли Ардатов получить этот удар уже в состоянии, когда сердце почти не работало?

Корсаков посмотрел на кресло.

— Именно это я и постараюсь выяснить.

Соболев кивнул.

— Достаточно.

Корсаков оглядел стол.

— Что ещё вас беспокоит?

— Свеча.

Доктор посмотрел на подсвечник.

— Которая?

— Средняя.

— Она погашена.

— Спасибо.

Корсаков хмыкнул.

Соболев показал бороздку в воске.

— Фитиль прижали предметом.

Доктор наклонился.

— И?

— Не знаю.

— Тогда зачем мне это знать?

— Чтобы потом не оказалось, что вы заметили что-то, чего не заметил я.

— Очень предусмотрительно.

Корсаков посмотрел на серебряный нож для бумаги.

— Им могло быть.

— Тоже так думаю.

— Отпечатки?

— Проверим.

Корсаков выпрямился.

— А что особенного в трёх свечах?

— Пока только то, что одну кто-то специально погасил.

— Может, князь.

— Может.

— Убийца.

— Может.

— Слуга.

— Тоже может.

Корсаков усмехнулся.

— Прекрасное расследование.

— Первый день.

Доктор подошёл к оружейному шкафу.

— Стиллет отсюда?

— Судя по пустому месту.

— Значит, оружие не принесли.

— Похоже.

— Тогда преступление могло быть непредумышленным.

Лебедев снова поднял карандаш.

Соболев сказал:

— Не записывайте.

Корсаков обернулся.

— Почему?

— Потому что вы сказали «могло».

— Правильно.

- А к вечеру это превратится в «убийца схватил первое попавшееся оружие».
- Доктор посмотрел на Лебедева.
- Он всегда такой?
- Сегодня ещё спокойный.
- Корсаков снова усмехнулся.
- Завидую.
- Соболев прошёл к креслу.
- Иван Матвеевич, ещё одно.
- Спрашивайте.
- Если человек сидит здесь, а другой стоит перед ним и наносит удар в грудь, обязательно ли будет борьба?
- Нет.
- Человек мог не ожидать удара?
- Конечно.
- Или был слишком слаб, чтобы сопротивляться?
- Тоже.
- А если удар наносится уже почти умирающему?
- Корсаков посмотрел на него.
- Вы опять хотите забежать вперёд.
- Я проверяю границы возможного.
- Тогда границы широкие.
- Спасибо.
- Доктор взял саквояж.
- Я вернусь к телу.
- Стиллет доставят туда.
- Хорошо.
- У двери Корсаков остановился.
- Похороны пока не разрешайте.
- Родственники уже спрашивали?
- Успеют.
- Сколько времени вам нужно?
- До вечера.
- Получите.
- Корсаков вышел.
- Некоторое время Соболев и Лебедев молчали.
- Фотограф уже закончил с общими снимками и теперь снимал подсвечник.
- Лебедев наконец сказал:
- Всё-таки возможно, что князь умер не от стилета.
- Соболев повернулся.
- Нет.
- Но Корсаков...
- Корсаков сказал, что пока не знает, в каком состоянии было сердце Ардатова в момент ранения.
- Почти то же самое.
- Именно из таких «почти» потом рождаются неправильные обвинения.
- Лебедев вздохнул.
- Хорошо. Что у нас есть точно?
- Соболев загнул палец.
- Князя нашли со стилетом в груди.

Второй.

— Стиллет, вероятнее всего, взяли из его собственной коллекции.

Третий.

— Следов борьбы мы пока не видим.

Четвёртый.

— Крови немного.

Пятый.

— Средняя из трёх свечей была намеренно погашена.

Шестой.

— В кабинете лежала папка, которой князь, судя по всему, занимался перед смертью.

Лебедев добавил:

— И он хотел поговорить с вами.

— Это тоже факт.

— Уже немало.

— Слишком много.

— Почему это плохо?

Соболев посмотрел на стол.

— Потому что каждая деталь требует объяснения. А человек любит объяснить всё сразу одним способом.

— Например?

— Убийца вошёл, поговорил с Ардатовым, погасил свечу, взял стилет, ударил, вытер оружие, забрал бумагу и ушёл.

Лебедев задумался.

— Звучит вполне разумно.

— Вот поэтому опасно.

— А что не так?

Соболев указал на подсвечник.

— Мы не знаем, что свечу гасил убийца.

Потом на шкаф.

— Не знаем, когда взяли стилет.

На папку.

— Не знаем, исчезло ли оттуда вообще что-нибудь.

На пятна крови.

— И пока даже не знаем наверняка, какую роль сыграл этот клинок в смерти Ардатова.

Он посмотрел на помощника.

— Стоит принять первую удобную картину — и дальше мы будем не искать правду, а подгонять под неё факты.

Лебедев медленно кивнул.

— Значит, начинаем сначала.

— Именно.

Соболев подошёл к двери.

— Фёдор Гаврилович ждёт?

— Да.

— Хорошо. Сначала камердинер. Потом те, кто подавал ужин.

— Семья?

— После.

— Почему?

Соболев надел перчатки.

— Потому что семье уже известно, какие вопросы задавала полиция. Они успели подумать, что отвечать.

— А слуги?

— Слуги тоже успели подумать.

— Тогда в чём разница?

Соболев открыл дверь.

— Они обычно не считают себя подозреваемыми.

Лебедев усмехнулся.

— Пока.

— Не пугайте людей раньше времени.

Они вышли в коридор.

Соболев прошёл несколько шагов, потом остановился и обернулся на кабинет.

Фотограф собирал аппарат.

На письменном столе стоял подсвечник.

Три свечи.

Две оплавленные сильнее.

Одна — остановленная раньше остальных.

Соболев посмотрел на неё ещё несколько секунд.

— Дмитрий Петрович?

— Иду.

Он закрыл дверь.

Пока у них был человек со стилетом в груди и несколько деталей, которые не желали складываться в одну картину.

Для начала расследования этого было достаточно.

Глава IV. Восемь свидетелей

«Когда восемь человек рассказывают об одном вечере, следователь получает не восемь истин, а восемь способов помнить».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Фёдор Гаврилович Чистяков ждал в малой гостиной.

Он сидел на самом краю кресла, держа спину так прямо, словно находился не на допросе, а продолжал исполнять обязанности камердинера. На нём был тот же чёрный сюртук, что и прошлой ночью. Только воротник оказался расстёгнут на одну пуговицу, а под глазами залегли тёмные круги.

Соболев вошёл первым.

Лебедев сел немного в стороне и открыл записную книжку.

— Фёдор Гаврилович, вы сказали, что служите у Ардатовых двадцать два года?

— Двадцать два года и четыре месяца, Дмитрий Петрович.

— Хорошая память.

— Для моей службы иначе нельзя.

— Именно на это я и рассчитываю.

Камердинер насторожился.

Соболев не стал начинать с убийства.

— Вчерашний вечер восстановим с самого начала. Без предположений. Только то, что вы видели сами.

— Я уже говорил полиции.

- Ночью.
- Да.
- Ночью люди обычно вспоминают самое громкое. Мне нужны мелочи.
- Фёдор Гаврилович слегка кивнул.
- Спрашивайте.
- Кто приехал первым?
- Павел Семёнович Левицкий. Без четверти восемь.
- Ужин назначили на девять.
- Он приезжал не как гость. Сначала по делу.
- Виделся с князем?
- Да.
- Где?
- В кабинете.
- Сколько?
- Минут пятнадцать, может, чуть больше.
- Лебедев записал.
- После него?
- Николай Андреевич Рождественский. Потом полковник Обручев.
- Вместе?
- Нет. Полковник приехал на несколько минут позже.
- В прихожей пересеклись?
- Да.
- Разговаривали?
- Фёдор Гаврилович помедлил.
- Сергей Павлович спросил доктора, видел ли тот сегодня Александра Сергеевича.
- И?
- Николай Андреевич ответил, что был утром.
- Всё?
- Всё, что я слышал.
- Соболев не стал уточнять, действительно ли это было всё.
- Потом Белецкая?
- Софья Николаевна. После неё Виктор Михайлович Арсеньев.
- Андрей Александрович и Елена Александровна весь день были дома?
- Да.
- Княгиня тоже?
- Да.
- Я приехал последним?
- Последним из гостей.
- Соболев кивнул.
- Теперь после ужина.
- Фёдор Гаврилович немного изменил позу.
- Когда Александр Сергеевич ушёл в кабинет?
- Около без двадцати одиннадцать.
- Вы уверены?
- Часы в столовой как раз пробили половину, когда подали кофе. Его сиятельство вышел минут через десять.
- Хорошо. Дальше мне нужен порядок. Не минуты. Пока только порядок.
- Камердинер задумался.
- Первой вышла Софья Николаевна. Сказала, что хочет пройтись по зимнему саду.

- Вы открывали ей?
- Да.
- Потом?
- Павел Семёнович. Ему понадобились бумаги из комнаты секретаря.
- Он сказал это сам?
- Да.
- Потом Обручев?
- Фёдор Гаврилович посмотрел на Соболева.
- Да.
- Куда пошёл?
- В коридор.
- В сторону кабинета князя?
- Да.
- Вы видели, как он входил?
- Нет.
- Как возвращался?
- Да.
- Примерно через сколько?
- Минут через пять-семь.
- Он был один?
- Да.
- Что-нибудь нёс?
- Нет.
- Выглядел иначе?
- Фёдор Гаврилович нахмурился.
- Трудно сказать.
- Тогда не говорите.
- Он попросил коньяк.
- Соболев поднял глаза.
- Это было обычно для него?
- За ужином он пил мало.
- А после?
- Иногда.
- Хорошо. После Обручева кто выходил?
- Андрей Александрович.
- Сразу?
- Почти.
- Вы видели, куда он пошёл?
- В тот же коридор.
- И как вернулся?
- Да.
- Через сколько?
- Недолго. Минуты три или четыре.
- Лебедев поднял глаза от книжки.
- Соболев продолжил спокойно:
- После него?
- Елена Александровна.
- Тоже в коридор?
- Да.

- В сторону кабинета?
- Я не могу сказать точно.
- Почему?
- Я в это время разговаривал с лакеем.
- Хорошо. Сколько её не было?
- Дольше Андрея Александровича. Минут семь, может, десять.
- Арсеньев?
- Позже выходил к лестнице.
- Один?
- Один.
- Рождественский?
- Оставался в гостиной.
- Всё время?

Фёдор Гаврилович задумался.

- Насколько я видел.
- Княгиня?
- Тоже.
- Белецкая вернулась из зимнего сада когда?
- До выхода Андрея Александровича.
- Левицкий?
- Вернулся позже, уже с папкой.

Соболев посмотрел на записи Лебедева.

Получался не порядок действий, а множество пересекающихся возможностей.

И почти каждая держалась пока на памяти одного старого камердинера.

- Александр Сергеевич после ухода в кабинет кого-нибудь вызывал?
- Нет.
- Звонил?
- Я не слышал.
- Кто-то спрашивал о нём?
- Полковник.
- До того как ушёл в коридор?
- Да.
- Что именно?
- Спросил: «Где Александр?»
- Хотя знал, что тот ушёл в кабинет?

Фёдор Гаврилович чуть пожал плечами.

- Княгиня ему так и ответила.
 - Ещё кто-нибудь?
 - Андрей Александрович после возвращения спросил, скоро ли отец выйдет.
- Соболев на мгновение задержал взгляд на камердинере.
- После своего возвращения?
 - Да.
 - Точно?
 - Точно.

Лебедев сделал короткую пометку на полях.

- Теперь до ужина, — сказал Соболев. — Князь чем-нибудь отличался от обычного?

Фёдор Гаврилович ответил не сразу.

- Был занят.
- Он часто был занят.

— Вчера иначе.
— Как?
— Будто хотел всё закончить за один день.
— Что именно?
— Вызывал Левицкого. Разбирал бумаги. Несколько раз спрашивал, отправлены ли письма. Велел утром никого к себе не допускать без доклада.
— И всё?
Камердинер посмотрел на него.
— Ещё приказал заменить свечи в кабинете.
Соболев не шевельнулся.
— Все три?
— Да.
— Когда?
— Перед ужином.
— Почему именно заменить?
— Старые ещё могли гореть.
— Но князь велел поставить новые?
— Да.
— Кто поставил?
— Я.
— Кто зажжёт?
— Тоже я.
— Когда?
— Перед тем как Александр Сергеевич ушёл в кабинет после ужина.
— Все три горели?
— Разумеется.
— Одинаково?
Фёдор Гаврилович впервые посмотрел на него с лёгким удивлением.
— Они были новые, Дмитрий Петрович.
— Я понимаю.
— Значит, одинаково.
— Князь всегда держал на столе три свечи?
— Сколько себя помню.
— Никогда две? Четыре?
— Нет.
— Вы знаете почему?
— Нет.
— Никогда не спрашивали?
Камердинер почти обиделся.
— Слуги редко спрашивают хозяина, почему у него на столе три свечи.
Соболев слегка кивнул.
— Разумно.
Он закрыл лист.
— Пока всё.
Фёдор Гаврилович поднялся.
У двери Соболев остановил его:
— Ещё одно.
Камердинер обернулся.

— Если вспомните деталь, которую ночью сочли слишком мелкой для полиции, приходите сразу.

— Какую именно?

— Если бы я знал, она уже не была бы забытой.

Фёдор Гаврилович впервые за разговор слегка улыбнулся.

— Понял.

Он вышел.

Лебедев посмотрел на свои записи.

— Три новые свечи.

— Да.

— Значит, среднюю погасили уже после того, как князь вошёл в кабинет.

— Это мы теперь знаем.

— Уже лучше.

— Не спешите радоваться. Мы всё ещё не знаем, кто.

— Но круг небольшой.

Соболев посмотрел на него.

— В этом доме всё небольшое, пока не начинаешь считать двери.

Следующим вошёл Михаил.

Молодой лакей, крепкий, краснощёкий, но сейчас заметно бледнее обычного. Он сел, положил ладони на колени и сразу уставился на Соболева.

— Вы подавали вчера ужин?

— Да, Дмитрий Петрович.

— Кто ещё?

— Пётр и Григорий.

— Лекарство князю приносили вы?

— Я.

— Кто попросил?

— Николай Андреевич.

— Где хранился пузырёк?

— В маленьком шкафчике возле столовой.

— Он запирался?

— Нет.

— Кто мог его взять?

Михаил задумался.

— Домашние. Слуги. Николай Андреевич, если хотел.

— Гости?

— Если бы знали, где лежит.

— Вы принесли пузырёк закрытым?

— Да.

— Кому отдали?

— Доктору.

— Он сам отсчитывал капли?

— Да.

— Вы видели?

— Стоял рядом.

— Князь выпил сразу?

— Да.

Соболев сделал пометку.

— После ухода князя из столовой кого вы видели выходящим?

Михаил рассказал почти тот же порядок, что и камердинер.

Белецкая.

Левицкий.

Обручев.

Потом Андрей.

Но при упоминании Андрея замялся.

Соболев заметил.

— Что?

— Ничего.

— Тогда продолжайте.

— Я видел, как Андрей Александрович вернулся.

— Откуда?

— Из коридора.

— Через сколько?

— Не знаю. Я не смотрел на часы.

— Долго его не было?

— Нет.

— Что-нибудь необычное?

Михаил опустил глаза.

Соболев не торопил.

— Правый рукав у него был мокрый.

Лебедев поднял голову.

— Где?

Михаил показал на манжету.

— Здесь.

— Сильно?

— Нет. Небольшое пятно.

— Какого цвета?

— Просто тёмное от влаги.

— Кровь?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

— Почему уверены?

— На светлой рубашке было бы видно.

— Запах?

— Не заметил.

— Откуда могла взяться вода?

— Не знаю.

— В коридоре рядом с кабинетом есть вода?

— Нет.

— Умывальная?

— Дальше, возле лестницы.

— Андрей мог туда ходить?

— Мог.

Соболев остановил Лебедева взглядом, прежде чем тот успел записать лишний вывод.

— Полиции об этом сказали?

— Нет.

— Почему?

— Не вспомнил.

— А сейчас?

— Сейчас вы спрашиваете подробно.

— Вот именно.

Соболев сменил тему.

— Елена Александровна выходила после него?

— Кажется, да.

— Арсеньев?

— Позже.

— Рождественский?

— В гостиной.

— Постоянно?

Михаил нахмурился.

— Я видел его большую часть времени.

— А когда не видели?

— Когда уходил в буфетную.

— Надолго?

— Минуты на две.

— За эти две минуты кто мог выйти из гостиной незаметно?

Михаил посмотрел на него.

— Любой, если бы я стоял спиной.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Это точный ответ.

Допрос длился ещё четверть часа.

После Михаила вошли Пётр и Григорий.

Один помнил, как Обручев вернулся и сразу потребовал коньяк.

Другой был уверен, что Андрей отсутствовал не меньше пяти минут.

Потом появилась горничная Марии Павловны, которая в нужный промежуток вообще находилась этажом выше и почти ничего не видела.

Её показания оказались полезнее именно потому, что она не старалась заполнить пробелы.

К полудню перед Соболевым лежали пять листов.

Лебедев уже второй раз затачивал карандаш.

— Что получается? — спросил он.

Соболев подошёл к окну.

— Что никто не видел весь вечер целиком.

— Это я уже понял.

— Тогда ещё одно. Свидетели совпадают в порядке, но расходятся во времени.

Лебедев посмотрел в записи.

— Ардатов ушёл примерно в десять сорок.

— Примерно.

— Белецкая вышла первой.

— Да.

— Левицкий почти сразу за ней.

— Да.

— Обручев после них и отсутствовал пять-семь минут.

— Вероятно.

— Андрей после возвращения Обручева. Три-пять минут.

— Да.

— Елена позже и дольше.

— Да.

— Арсеньев ещё позже.

— Да.

— Рождественский и княгиня почти всё время оставались в гостиной.

Соболев обернулся.

— Вот это «почти» и подчеркните.

Лебедев сделал.

— Тело обнаружено около одиннадцати пяти.

— Верно.

— Значит, у нас примерно двадцать пять минут.

— Пока.

— И несколько человек, которые могли войти к князю.

— Почти все.

— Тогда с кого начинаем?

Соболев вернулся к столу.

— Кто точно видел Ардатова живым после его ухода из столовой?

Лебедев просмотрел записи.

— Пока никто из слуг.

— Именно.

— Значит, первый человек, который признается, что видел его в кабинете живым, автоматически станет важным.

— Да.

— Или подозреваемым.

— Это не одно и то же.

Лебедев посмотрел на него.

— Вы всегда будете меня поправлять?

— Пока перестанете путать эти слова.

В дверь постучали.

Вошла Мария Павловна.

На ней было простое чёрное платье без украшений. За ночь её лицо стало жёстче.

— Простите. Андрей собирается уехать.

Соболев посмотрел на неё.

— Куда?

— В свою квартиру.

— Зачем?

— Говорит, ему нужно привести в порядок дела.

— Какие?

— Он не объяснил.

Соболев взглянул на Лебедева.

Тот уже закрыл книжку.

— Передайте Андрею Александровичу, что я хотел бы поговорить с ним прежде, чем он уйдёт.

Мария Павловна помедлила.

— Это необходимо?

— Да.

— Из-за вчерашней ссоры?

— И не только.

Она чуть напряглась.

— Вы его подозреваете?

Соболев ответил спокойно:

— Пока я пытаюсь понять, кто где находился.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Мария Павловна смотрела на него ещё несколько секунд, потом вышла.

Лебедев сказал:

— Вы могли просто сказать «нет».

— Тогда пришлось бы соврать.

— Уже подозреваете?

— Меня интересует, почему Андрей вышел в коридор и что делал там несколько минут.

— Мокрый рукав?

— Это тоже.

— И ссора.

— Да.

— И его вопрос после возвращения: скоро ли отец выйдет.

Соболев посмотрел на помощника.

— Вот это мне нравится меньше всего.

— Почему?

— Потому что человек, который только что был возле кабинета, обычно знает больше остальных о том, собирается ли хозяин выходить.

В коридоре послышались быстрые шаги.

Дверь открылась без стука.

Андрей Ардатов стоял на пороге с пальто в руке.

— Вы хотели меня видеть?

— Да.

— Я собираюсь уехать.

— Я вижу.

Андрей вошёл.

— Мне что, теперь нужно спрашивать разрешения?

— Пока нет.

— Тогда в чём дело?

Соболев указал на кресло.

— Сядьте.

Андрей не сел.

— Я предпочитаю стоять.

— Как хотите.

Соболев взял лист с ночным полицейским опросом.

— Александр Егорович Зуев записал с ваших слов, что после того, как отец ушёл из столовой, вы оставались в гостиной до обнаружения тела.

Андрей быстро посмотрел на бумагу.

— Возможно.

— Это не сложный вопрос памяти.

— Вчера была тяжёлая ночь.

— Согласен.

— Я мог ошибиться.

— Несколько слуг видели, как вы выходили в коридор.

Пауза.

Андрей положил пальто на спинку кресла.

— И что?
— Куда вы ходили?
— Просто вышел.
— Это я знаю.
— Тогда зачем спрашиваете?
— Потому что коридор ведёт в несколько мест.
Андрей смотрел на Соболева.
— Я был у отца.
Лебедев поднял карандаш.
Соболев не изменился в лице.
— В кабинете?
— Да.
— Вошли внутрь?
— Да.
— Когда?
— После Обручева.
— Вы знали, что Обручев до вас ходил в ту же сторону?
— Нет.
— Сколько находились у отца?
— Несколько минут.
— О чём говорили?
Андрей сжал губы.
— Это семейное.
— Уже нет.
— Из-за денег.
— Каких?
— Моих.
— Долгов?
Андрей резко посмотрел на него.
— Вы быстро.
— Вы вчера ссорились об этом за столом.
— Тогда зачем спрашиваете?
— Потому что за столом вы говорили намёками.
Андрей наконец сел.
— Он решил прекратить оплачивать мои долги.
— Полностью?
— Почти.
— Когда сообщил?
— Вчера днём.
— А вечером вы снова пришли спорить?
— Да.
— Кричали?
— Нет.
— Отец?
— Тоже.
— Угрожали ему?
Андрей посмотрел в сторону окна.
— Нет.
Соболев не стал давить.

— Когда вы вышли, он был жив?
Андрей повернулся.
— Конечно.
— В каком состоянии?
— Сидел за столом.
— Ему было плохо?
— Он выглядел уставшим.
— Дышал тяжело?
— Не заметил.
— Стиллет находился на столе?
Андрей замолчал.
Совсем ненадолго.
Но достаточно.
Соболев положил ладонь на лист.
— Был?
— Не помню.
— Вы знаете этот стилет?
— Разумеется. Отцовская коллекция.
— Держали его когда-нибудь?
— Возможно.
— Вчера?
Андрей резко поднял глаза.
— Почему спрашиваете?
— Потому что спрашиваю.
— Это не ответ.
— В данном случае достаточный.
Пауза затянулась.
Потом Андрей тихо произнёс:
— Да.
Лебедев перестал писать.
— Когда? — спросил Соболев.
— Днём.
— Зачем?
— Показывал Арсеньеву.
— Почему именно ему?
— Он интересуется оружием.
— Где это было?
— В кабинете отца.
— Князь присутствовал?
— Нет.
— Вы открыли шкаф?
— Да.
— Взяли стилет?
— Да.
— Арсеньев тоже держал его?
Андрей задумался.
— Кажется, да.
Соболев отметил эту деталь.
— Потом вернули?

— Конечно.

— Рукоять вытирали?

— Нет.

— Арсеньев?

— Не помню.

— Почему ночью вы не сообщили полиции, что в тот же день держали в руках оружие, которым убили вашего отца?

Андрей побледнел.

— Потому что меня об этом не спрашивали.

— Вас спросили, касались ли вы вещей в кабинете.

— Я думал, речь о вечере.

— Вы очень удачно поняли вопрос.

Андрей вскочил.

— Вы уже решили, что я убийца?

— Нет.

— Тогда к чему всё это?

— Вы солгали о том, что выходили из гостиной.

— Я объяснил.

— Нет. Вы только признали.

— Я не хотел выглядеть подозрительно.

— И поэтому сообщили полиции неправду.

Андрей усмехнулся без улыбки.

— Как видите, опасался не зря.

Соболев посмотрел на него спокойно.

— Что с вашим рукавом?

На этот раз Андрей действительно растерялся.

— С каким рукавом?

— Когда вы вернулись из коридора, манжета была мокрой.

— Кто вам это сказал?

— Это имеет значение?

— Я умывался.

— Где?

— Возле лестницы.

— До или после разговора с отцом?

Пауза.

— После.

— Почему?

— Мне было жарко.

— Вы помыли только руку?

— Я плеснул воды на лицо.

— Тогда почему мокрым оказался рукав?

Андрей раздражённо дёрнул плечом.

— Потому что вода течёт вниз, Дмитрий Петрович.

— Иногда.

— Вы считаете, что я отмывал кровь?

Лебедев поднял взгляд.

Соболев ответил ровно:

— Я этого не говорил.

— Но подумали.

— Сейчас меня больше интересует, почему об этом подумали вы.

Андрей замолчал.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом он медленно взял пальто.

— Можно мне уйти?

— Из дома — нет.

— На каком основании?

— До окончания сегодняшних допросов вы останетесь здесь.

— Это приказ?

— Это просьба следователя Царской канцелярии в деле об убийстве вашего отца. Я бы не советовал выяснять, насколько быстро она может стать приказом.

Андрей смотрел на него с плохо скрываемой злостью.

— Я его не убивал.

— Хорошо.

— Вы мне не верите.

— Я пока вообще никому не верю.

Андрей уже взялся за дверь, но Соболев остановил его:

— Андрей Александрович.

Он обернулся.

— Когда вы вошли к отцу, средняя свеча горела?

Андрей нахмурился.

— Какая свеча?

— На столе их было три.

— Я не смотрел.

— Постарайтесь вспомнить.

— Не могу.

— Хорошо.

Андрей вышел.

Дверь закрылась.

Лебедев несколько секунд молчал.

— Теперь он выглядит совсем плохо.

Соболев посмотрел на записи.

— Выходил к отцу.

— Солгал полиции.

— Да.

— Ссорился из-за денег.

— Да.

— Держал стилет.

— Да.

— Вернулся с мокрым рукавом.

— Да.

— И всё ещё не подозреваемый?

Соболев отложил лист.

— Теперь подозреваемый.

Лебедев удовлетворённо кивнул.

— Наконец-то.

— Только не радуйтесь.

— Почему?

— Потому что первая убедительная версия обычно нравится следователю сильнее, чем должна.

Он подошёл к окну.

На улице снова начинал идти снег.

— Но есть одна вещь важнее всего этого.

— Какая?

— Андрей утверждает, что видел отца живым после Обручева.

— Если говорит правду.

— Именно.

— Тогда Обручев отпадает.

— Пока только сдвигается назад.

Лебедев посмотрел на хронологию.

— А окно смерти становится уже.

Соболев вернулся к столу и провёл карандашом две короткие черты.

Между ними оставался промежуток.

— До сих пор мы знали только, что Ардатов вошёл в кабинет и через некоторое время был найден мёртвым.

Он коснулся первой черты.

— Если Андрей действительно видел его живым здесь...

Карандаш переместился правее.

— ...всё, что произошло раньше, перестаёт быть временем убийства.

— Значит, нам нужно проверить Андрея.

— Да.

— И выяснить, кто вошёл после него.

Соболев посмотрел на следующую фамилию в записях.

Елена.

— Теперь начинается именно это.

Глава V. Сын князя

«У сына всегда найдётся причина обвинять отца. Гораздо труднее доказать, что этой причины хватило для убийства».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Андрей Ардатов не уехал.

Фёдор Гаврилович сообщил об этом через четверть часа после его разговора с Соболевым.

— Андрей Александрович у себя, Дмитрий Петрович.

— Один?

— Да.

— Никого не принимает?

Камердинер позволил себе едва заметную усмешку.

— Меня, по крайней мере, принимать отказался.

— В каком настроении?

— В обычном для него после разговора, который ему не понравился.

Лебедев поднял глаза от записей.

— Это какое?

Фёдор Гаврилович посмотрел на него с достоинством.

— Плохое.

Соболев чуть улыбнулся.

— Давно знаете его?

— С рождения.

— Вспыльчив?

— Да.

— Злопамятен?

Камердинер задумался.

— Быстро сердится. Долго помнит.

— Жесток?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Уверены?

— Да.

— Даже когда пьян?

Фёдор Гаврилович немного помедлил.

— Тогда он может говорить вещи, о которых потом жалеет.

— А делать?

— Не видел.

Соболев кивнул.

— Хорошо. Кто ведёт его денежные дела?

Камердинер напрягся.

— Николай Фомич Кузьмин, управляющий.

— Где его найти?

— Контора на Гороховой.

Соболев повернулся к Лебедеву.

— Съездите.

— Сейчас?

— Сейчас.

Лебедев уже закрывал записную книжку.

— Что выяснять?

— Всё, что касается долгов Андрея Александровича. Размер. Сроки. Кому должен. Что оплачивал отец. Что отказался оплачивать. И были ли обязательства, которые должны быть предъявлены в ближайшее время.

— Карточные клубы?

— И они тоже.

— Сделаю.

— Алексей Николаевич.

Лебедев остановился.

— Без показной важности. Кузьмин должен разговаривать, а не защищать честь семьи.

— Постараюсь.

— И не говорите, что мы считаем Андрея убийцей.

— Мы считаем?

Соболев посмотрел на него.

— Вот именно.

Лебедев ушёл.

Соболев остался в малой гостиной.

На столе лежала схема последних двадцати пяти минут вечера.

Ардатов ушёл в кабинет.

Белецкая вышла в зимний сад.
Левицкий отправился за бумагами.
Обручев прошёл в сторону кабинета и вернулся через несколько минут.
После него туда же пошёл Андрей.
Именно Андрей первым признался, что действительно вошёл к отцу.
И утверждал, что оставил его живым.
Это было важно.
Но пока только со слов самого Андрея.
Соболев перечитал ночной полицейский протокол.
«После ухода князя Александра Сергеевича из столовой в гостиной оставался постоянно».
Он медленно сложил лист.
Ложь.
Простая, легко проверяемая и потому странная.
Человек, заранее продумывающий алиби, обычно врёт аккуратнее.
Человек, испуганный собственной причастностью к чему-то другому, — не всегда.
В дверь постучали.
Вошла Мария Павловна.
Она уже переоделась в простое чёрное платье без украшений.
— Дмитрий Петрович.
— Княгиня.
Она закрыла дверь.
— Вы расследуете долги Андрея?
Соболев посмотрел на неё.
— Кто вам сказал?
— Никто.
— Тогда откуда знаете?
— Вы вызвали управляющего через своего помощника.
— Быстро распространяются новости.
— Это мой дом.
Она подошла ближе.
— Его долги имеют отношение к убийству?
— Пока я этого не знаю.
— Но вы предполагаете.
— Предположения в начале дела стоят недорого.
— Для человека, которого предполагают убийцей, довольно дорого.
Соболев указал на кресло.
— Присядьте.
Она села.
— Насколько серьёзны долги Андрея?
— Я не знаю точной суммы.
— Но знаете, что они есть.
— Разумеется.
— Александр Сергеевич их оплачивал?
— Несколько раз.
— И решил прекратить.
— Да.
— Когда?
Мария Павловна посмотрела в сторону окна.

— Окончательно — вчера.
— Почему именно вчера?
— Потому что появилось ещё одно обязательство.
— Какое?
— Не знаю подробностей. Андрей пришёл к Александру днём. Они говорили около полужаса.

— Вы слышали?
— Не всё.
— Что слышали?
Она не ответила сразу.
— Александр сказал, что больше не даст ему ни рубля.
— Андрей?
— Кричал.
— Что именно?
— Что отец хочет его унижить.
— Ещё?
— Что имеет право на помощь семьи.
— Ещё?

Мария Павловна сжала руки.

— Дмитрий Петрович, если вы хотите услышать угрозу, её не было.
— Откуда знаете, что именно я хочу услышать?
— Потому что именно это сейчас превратило бы всё в удобную историю.

Соболев чуть приподнял бровь.

— Вы хорошо понимаете следствие.
— Я хорошо понимаю людей.
— Тогда помогите.

Она тяжело выдохнула.

— Андрей сказал: «Ты ещё пожалеешь».
— О чём?
— Не уточнил.
— Это всё?
— Потом сказал, что однажды Александр останется один со своими деньгами.
— Князь ответил?
— Не слышала.
— Кто ещё мог слышать разговор?
— Фёдор Гаврилович. Возможно, Елена.
— Обручев?
— Его тогда ещё не было.
— Рождественский?
— Тоже.

Соболев сделал короткую запись.

— Андрей угрожал отцу раньше?
— Словами — возможно.
— «Убью»?
— Нет.
— Никогда?
— Не при мне.
— Он способен ударить человека?

Мария Павловна резко посмотрела на него.

- Любой человек способен ударить другого при определённых обстоятельствах.
- Это не ответ.
- Тогда нет. Я не видела в нём такой жестокости.
- Но вчера за столом он был зол.
- Да.
- После ужина снова пошёл к отцу.
- На лице княгини мелькнуло удивление.
- Он был у Александра?
- Вы не знали?
- Нет.
- Он утверждает, что вошёл в кабинет и снова говорил с ним о деньгах.
- Мария Павловна опустила глаза.
- Это на него похоже.
- Почему?
- Андрей никогда не умеет оставить разговор незаконченным, если считает, что проиграл.
- А Александр?
- Александр умел заканчивать разговоры за двоих.
- Соболев немного помолчал.
- Почему князь отказался платить именно сейчас? Сумма была слишком велика?
- Для Александра дело было не в сумме.
- В чём?
- В том, что это происходило снова.
- Она посмотрела на Соболева.
- Он уже вытаскивал Андрея из долгов. Каждый раз ставил условие, каждый раз Андрей обещал. Потом появлялись новые карты, новые скачки, новые люди.
- Князь хотел его наказать.
- Скорее заставить впервые отвечать самому.
- Получалось плохо.
- Очень.
- Соболев отложил карандаш.
- Вы защищаете Андрея?
- Мария Павловна усмехнулась.
- Не слишком убедительно, правда?
- Вы называете его слабым, лживым и зависимым от денег.
- Потому что это правда.
- Но уверены, что он не убивал.
- Да.
- Почему?
- Она посмотрела прямо на него.
- Потому что Андрей способен желать отцу зла. Способен кричать, унижать, требовать.
- Но если бы он увидел Александра истекающим кровью, он первым побежал бы за помощью.
- Вы уверены в человеке, которого только что назвали слабым.
- Слабость и убийство — разные вещи.
- Соболев медленно кивнул.
- Согласен.
- Мария Павловна встала.
- Это что-нибудь меняет?
- Пока нет.

— Тогда зачем спрашивали?

— Чтобы узнать, насколько далеко вы готовы зайти, защищая его.

Она остановилась у двери.

— И?

— Пока недостаточно далеко, чтобы начать лгать.

Княгиня некоторое время смотрела на него.

— Александр говорил, что вы неприятный человек.

— Кажется, вы уже упоминали.

— Теперь я понимаю, что он имел в виду.

Она вышла.

Лебедев вернулся около часа дня.

Он вошёл, стряхивая с плеч снег.

— Кузьмин нашёлся.

— И?

— Сначала был возмущён. Потом увидел бумагу Барятинского и решил, что возмущение можно продолжить позже.

Соболев указал на стол.

Лебедев разложил записи.

— Известные долги Андрея Александровича — около ста двадцати тысяч рублей.

Соболев поднял глаза.

— Не мелочь.

— За последние три года Александр Сергеевич уже выплатил примерно восемьдесят тысяч.

— Нынешний долг?

— Двадцать пять тысяч рублей Константину Яковлевичу Маркову.

— Кто он?

— По бумагам — торговец антиквариатом. По словам Кузьмина — человек, который охотно даёт деньги тем, кто потом не может отказаться от его условий.

— Ростовщик.

— Фактически.

— Срок?

— Через четыре дня.

— Обеспечение?

— Личная расписка Андрея.

— Если не платит?

— Марков предъявляет её. Дальше возможен суд, взыскание, огласка.

— Ардатов мог легко заплатить?

— Очень легко.

— И отказался.

— Категорически.

Лебедев достал ещё один лист.

— Кузьмин был у князя вчера утром. Ардатов сказал: «На этот раз пусть отвечает своим именем».

Соболев повторил:

— Своим именем.

— Да.

— Ещё что-нибудь?

— Кузьмин пытался убедить князя хотя бы выкупить расписку, чтобы избежать скандала.

Ардатов отказался.

— Почему?

— Сказал, что иначе Андрей никогда не остановится.

Соболев откинулся на спинку кресла.

— А наследство?

— Кузьмин знает только старую схему. Андрей должен получить достаточно, чтобы закрыть этот долг много раз.

— Если завещание не изменено.

— Именно.

— И Андрей не знал, что именно меняет отец.

— Похоже.

Лебедев помолчал.

— Мотив получается вполне приличный.

— Мотивов не бывает приличных.

— Вы поняли.

— Да.

Соболев посмотрел на часы.

— Идём к нему.

— Снова?

— Утром мы спрашивали, куда он ходил. Теперь спросим, зачем.

Комнаты Андрея находились на третьем этаже.

Соболев постучал.

Ответ последовал не сразу.

— Кто?

— Соболев.

— Я уже всё сказал.

— Значит, поговорим быстрее.

За дверью послышались шаги.

Андрей открыл сам.

На нём были рубашка и жилет. Галстук снят, волосы растрёпаны. На столике возле окна стоял графин.

— Вы пьёте? — спросил Соболев.

— Коньяк.

— В час дня?

— Отец умер ночью. Думаю, приличия можно отложить.

— Ненадолго.

Андрей отступил, пропуская их.

Комната была просторная, но беспорядочная. На кресле валялся вчерашний сюртук, на столе лежали газеты, возле стены стояли две рапиры, над камином висели фотографии лошадей.

Соболев указал на графин.

— Больше пока не пейте.

Андрей рассмеялся.

— Вы теперь и врач?

— Нет. Мне просто нужны ваши воспоминания в том состоянии, в каком они сохранились.

— Очень заботливо.

— Сядьте.

На этот раз Андрей подчинился.

Лебедев остался возле двери.

Соболев сел напротив.

— Константин Яковлевич Марков.

У Андрея изменилось лицо.

— Уже добрались.

— Двадцать пять тысяч рублей. Через четыре дня.

— Да.

— Отец отказался платить.

— Да.

— Совсем?

— Совсем.

— Что произойдёт через четыре дня?

Андрей пожал плечами.

— Марков потребует деньги.

— А если их нет?

— Подаст расписку.

— Публичный скандал?

— Возможно.

— Для вас?

— Для семьи.

— Отец этого не боялся?

— Отец считал, что мне полезно опозориться.

— Так и сказал?

— Почти.

— Что именно?

Андрей посмотрел на Соболева с раздражением.

— «Может быть, позор сделает то, чего не смог сделать я».

— Когда?

— Вчера днём.

— Поэтому вечером вы снова пошли к нему.

— Да.

— Просить?

— Сначала.

— Потом?

— Потом ругаться.

— Что вы предложили?

— Вернуть часть денег позже.

— Он согласился?

— Нет.

— Продать что-нибудь своё?

Андрей усмехнулся.

— У меня почти ничего своего нет. Это одна из любимых отцовских шуток.

— Тогда на что рассчитывали?

— Что он передумает.

— Он не передумал.

— Нет.

— И сказал что-нибудь ещё.

Андрей отвернулся.

Соболев ждал.

— Что?

- Вы уже спросили утром.
- Утром у меня не было сведений о Маркове.
- И что это меняет?
- Теперь я знаю, что через четыре дня вы могли потерять гораздо больше, чем деньги.
- Что именно?
- Репутацию.
- Андрей рассмеялся коротко и зло.
- Какую репутацию, Дмитрий Петрович? Все, кому надо, давно знают, что я играю.
- Играть и официально не платить по расписке — разные вещи.
- Возможно.
- Отец это понимал.
- Именно поэтому и отказался.
- Значит, хотел вас унижить.
- Хотел научить.
- Это его слово или ваше?
- Андрей посмотрел на него.
- Его.
- Вы его ненавидели за это?
- Пауза.
- Иногда.
- Вчера?
- Да.
- Ответ прозвучал неожиданно просто.
- Лебедев поднял глаза.
- Соболев не изменился в лице.
- Насколько?
- Настолько, чтобы пожелать ему провалиться ко всем чертям.
- Но не умереть?
- Андрей усмехнулся.
- Если я скажу «нет», вы всё равно не поверите.
- Попробуйте.
- Нет. Не умереть.
- Вы грозили ему?
- Я сказал, что однажды он останется один.
- Это мы знаем.
- Тогда зачем спрашиваете?
- Потому что днём сказали почти то же самое.
- Андрей поморщился.
- Мать рассказала.
- Да.
- Она всегда слышит только худшее.
- В этот раз худшего достаточно.
- Андрей поднялся и прошёл к окну.
- Вы хотите сделать из меня человека, который убил отца из-за долга?
- Я пока хочу выяснить, кем вы были в последние минуты разговора.
- Разозлённым сыном.
- Что произошло в кабинете?
- Ничего нового.
- Опишите с момента, когда вошли.

Андрей повернулся к нему.

— Опять?

— Теперь подробно.

Он недовольно выдохнул, но заговорил.

— Отец сидел за столом. Перед ним были бумаги.

— Папка?

— Да.

— Открыта?

— Да.

— Что он делал?

— Читал.

— Сразу посмотрел на вас?

— Через несколько секунд.

— Что сказал?

— «Опять?»

— Вы?

— Сказал, что разговор днём не окончен.

— Он?

— Что окончен.

— Дальше?

— Я спросил про Маркова. Он сказал, что решение не изменилось.

— Потом?

Андрей пожал плечами.

— Я пытался его убедить.

— Спокойно?

— Сначала.

— Потом повысили голос?

— Да.

— Он?

— Нет.

— Никогда?

— Почти.

— Вы подходили к столу?

— Да.

— Насколько?

— Стоял напротив.

— Между вами был стол?

— Да.

— Он вставал?

— Нет.

— Вы касались стола?

Андрей задумался.

— Наверное.

— Чем?

— Руками.

— Стилета видели?

Он снова замолчал.

Соболев заметил.

— Андрей Александрович.

- Не знаю.
- Вчера сказали, что видели какой-то металлический предмет.
- Там всегда что-нибудь металлическое лежит.
- Нож для бумаги был.
- Возможно, его и видел.
- Оружейный шкаф открывали вечером?
- Нет.
- Уверены?
- Да.
- Отец?
- При мне — нет.
- Значит, если стилет уже находился на столе, его достали раньше вашего прихода.

Андрей посмотрел на него.

- Если находился.

- Именно.

Соболев сделал паузу.

- Как выглядел отец?

- Уставшим.

- Вы утром говорили, что он держался за грудь.

- Да.

- Один раз?

- Несколько.

- До начала ссоры?

Андрей задумался.

- Кажется, уже во время.

- Он побледнел?

- Да.

- Сильно?

- Не знаю.

- Дышал тяжело?

- Немного.

- Вы знали о болезни?

- Разумеется.

- Почему не позвали Рождественского?

Андрей рассмеялся без веселья.

- Потому что в тот момент мне хотелось, чтобы ему было плохо.

В комнате стало тихо.

Он сам понял, насколько страшно прозвучала фраза.

- Вот, — сказал Андрей. — Теперь довольны?

- Нет.

- Но это правда.

- Продолжайте.

Андрей отвернулся к окну.

— Я хотел, чтобы он почувствовал хоть что-нибудь. Страх. Беспомощность. Чтобы понял, каково это — зависеть от другого человека.

- Поэтому не позвали врача.

- Я не думал, что он умирает.

- Что думали?

- Что обычный приступ.

— Они у него бывали?

— Иногда.

— Что он делал обычно?

— Принимал лекарство. Садился. Через несколько минут становилось легче.

— А вчера лекарство уже принял за столом.

— Да.

— Вы это видели.

— Да.

Соболев посмотрел на Лебедева. Тот записывал.

— Чем закончился разговор?

Андрей медленно повернулся.

— Он сказал, что платить не будет.

— И?

— Что если я хочу остаться Ардатовым не только по фамилии, мне пора научиться отвечать за свои подписи.

— Так и сказал?

— Да.

— Что вы ответили?

— Что ненавижу его.

— Прямо?

— Да.

— Он?

Андрей усмехнулся.

— Сказал: «Это хотя бы твоё собственное чувство».

Соболев некоторое время молчал.

— Потом?

— Я сказал, что однажды он останется один.

— И он ответил: «Это случилось давно».

— Да.

— Вы поняли, что имел в виду?

— Нет.

— Не спросили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я был зол.

Соболев кивнул.

— Потом отец велел вам уйти.

— Да.

— Вы вышли.

— Да.

— И пошли умываться.

— Да.

— Зачем?

Андрей раздражённо посмотрел на него.

— Опять рукав?

— Опять.

— Мне было жарко.

— В гостиной не было жарко.

— Я только что орал на отца.

— В кабинете?

— Да.

— Слуги не слышали.

— Двери толстые.

— Вы умывались возле лестницы.

— Да.

— Вода попала на правую манжету.

— Да.

— Крови на руках не было?

— Нет.

— На одежде?

— Нет.

— Вы смотрели?

Андрей замер.

— Что?

— Когда пришли умываться, вы осматривали руки или одежду?

— Не помню.

— Михаил видел только мокрый рукав. Если вы боялись крови, могли смыть её.

Андрей резко шагнул к Соболеву.

— Вы правда думаете, что я зарезал собственного отца, а потом вернулся в гостиную, намочив один рукав?

Соболев даже не встал.

— Я думаю, что вы солгали полиции о своём посещении кабинета.

— Потому что понимал, как это выглядит!

— И сейчас понимаете.

— Да.

— Тогда сядьте.

Андрей несколько секунд стоял, тяжело дыша.

Потом сел.

Соболев продолжил спокойнее:

— Когда вы уходили, отец был способен говорить связно?

— Да.

— Двигался?

— Да.

— Писал?

Андрей задумался.

— Не при мне.

— Мог подняться?

— Думаю, да.

— Вы уверены, что он был жив, когда закрыли дверь?

Андрей посмотрел на него почти с ненавистью.

— Конечно.

— Я должен спросить.

— Я с ним разговаривал.

— Человек может умереть через секунду после разговора.

— Но не до него.

— Верно.

Соболев откинулся назад.

— Теперь стилет днём.

Андрей тяжело выдохнул.

— Что ещё?

— Вы показали его Арсеньеву.

— Да.

— Почему?

— Он заметил коллекцию. Спросил, есть ли там что-нибудь действительно старое. Я показал несколько вещей.

— Только стилет?

— Нет. Ещё кортик и один пистолет.

— Арсеньев держал стилет?

— Да.

— Уверены?

— Теперь — да.

— Сколько?

— Минуту.

— Потом кто вернул?

— Я.

— Рукоять вытирали?

— Нет.

— Арсеньев?

— Нет.

— Кто-нибудь вошёл в кабинет в этот момент?

— Елена.

Соболев посмотрел на него.

— Елена?

— Да.

— Она видела стилет у вас?

— Видела.

— Что сказала?

— Что мы ведём себя как мальчишки.

— К оружию прикасалась?

— Нет.

— Отец знал, что вы брали оружие?

— Не знаю.

Соболев взглянул на Лебедева.

Это был первый независимый человек, способный подтвердить историю со стилетом.

— Почему вы не сказали об Арсеньеве утром?

— Вы не спросили, кто ещё его держал.

— Я спрашивал о самом стилете.

— Тогда я не вспомнил.

— Вам удивительно часто требуется второй допрос, чтобы вспомнить полезные вещи.

Андрей устало откинулся в кресле.

— Вы когда-нибудь пробовали отвечать на вопросы утром после того, как ночью нашли убитым вашего отца?

Соболев не ответил.

На этот раз реплика была справедливой.

Он поднялся.

— Вчерашняя одежда где?

— В гардеробной.

— Никому не отдавать.
— Вы хотите забрать?
— Осмотреть.
— Делайте что хотите.
— Руки.
Андрей нахмурился.
— Что с руками?
— Покажите.
Он протянул ладони.
На правой возле основания большого пальца была тонкая свежая царапина.
Соболев посмотрел.
— Откуда?
Андрей тоже заметил её словно впервые.
— Не знаю.
— Вчера появилась?
— Наверное.
— От оружия?
— Нет.
— Почему уверены?
— Потому что стилет я держал за рукоять, а не за лезвие.
— Разумно.
Соболев не стал превращать царапину в улику.
— Пока всё.
Андрей посмотрел на него.
— Я могу выйти из дома?
— Нет.
— Всё ещё?
— Всё ещё.
— Сколько это будет продолжаться?
— Пока не проверю ваши показания.
— Какие именно?
— Все.
Андрей рассмеялся.
— Тогда надолго.
Соболев направился к двери.
— Дмитрий Петрович.
Он обернулся.
— Я действительно сказал, что ненавижу его.
— Я слышал.
— И действительно хотел, чтобы ему стало плохо.
— Тоже.
— Но когда я вышел, он был жив.
Соболев задержался.
— Вот это сейчас важнее всего остального.
Они вышли в коридор.
Лебедев молчал до самой лестницы.
Только внизу спросил:
— Ну что?
— Что именно?

— Он выглядит виновным?

Соболев остановился.

— Это плохой вопрос.

— Тогда хороший: факты против него серьёзные?

— Да.

— Долги.

— Да.

— Срок через четыре дня.

— Да.

— Отец отказался платить.

— Да.

— Андрей дважды с ним ссорился.

— Да.

— Сказал, что ненавидит.

— Да.

— Был в кабинете.

— Да.

— Лгал полиции.

— Да.

— Днём держал стилет.

— Вместе с Арсеньевым.

— Вернулся с мокрым рукавом.

— Да.

Лебедев развёл руками.

— Что ещё нужно?

— Доказательство убийства.

— Кроме всего этого?

— Всё это пока доказывает только то, что Андрей очень удобный подозреваемый.

— А вам опять не нравится удобство.

Соболев посмотрел на него.

— Мне не нравится, когда один человек слишком хорошо подходит ко всем известным обстоятельствам ещё до того, как мы проверили половину обстоятельств.

Они вернулись в малую гостиную.

Соболев подошёл к листу с хронологией.

— Главный вопрос сейчас не в долгах.

— А в чём?

— Андрей утверждает, что Ардатов был жив, разговаривал с ним и сам выгнал его из кабинета.

— Если он врёт, всё просто.

— Почти.

— А если говорит правду?

Соболев провёл пальцем по списку фамилий.

После Андрея стояло имя Елены.

— Тогда мы должны найти человека, который видел князя после него.

— Елена.

— Возможно.

— И если она подтвердит?

— Тогда время смерти сдвинется ещё дальше.

Лебедев задумался.

— И Андрей уже не сможет быть убийцей?
— Не спешите.
— Но если Елена вошла после него и отец был жив...
— Тогда Андрей не мог нанести смертельный удар в тот момент, когда мы пока предполагаем.
— А стилет?
Соболев посмотрел на него.
— Вот именно.
Лебедев нахмурился.
— Не понял.
— Если Андрей действительно оставил отца живым, а стилет уже лежал на столе, это одна история.
— А если стилета не было?
— Другая.
— И мы не знаем, был ли.
— Нет.
Соболев взял лист и перечитал строку с именем Елены.
— Значит, спрашивать её надо не о брате.
— А о чём?
— О том, что она увидела, когда вошла к отцу.
Он сложил бумаги.
В этот момент в дверь осторожно постучали.
Фёдор Гаврилович вошёл.
— Дмитрий Петрович, простите.
— Что такое?
— Я вспомнил одну вещь.
Соболев посмотрел на него внимательно.
— Говорите.
— Когда Андрей Александрович вернулся из кабинета, он действительно пошёл к умывальной.
— Это мы знаем.
— Да. Но до него туда заходил ещё один человек.
Лебедев сразу поднял голову.
— Кто?
Фёдор Гаврилович помедлил.
— Полковник Обручев.
В комнате стало тихо.
Соболев не изменился в лице.
— Когда?
— Незадолго до того, как Андрей вышел из гостиной.
— Вы видели лично?
— Да.
— Что он там делал?
— Не знаю. Вошёл и почти сразу вышел.
— Руки были мокрые?
— Не заметил.
— Почему не сказали раньше?
Камердинер выглядел смущённым.

— Потому что вы спрашивали, куда ходил полковник после выхода из гостиной. Я вспомнил коридор и кабинет. А умывальная находится по дороге обратно.

Соболев медленно кивнул.

— Хорошо.

— Это важно?

— Пока не знаю.

Фёдор Гаврилович вышел.

Лебедев сразу сказал:

— Вот теперь интереснее.

— Почему?

— Мокрый рукав Андрея уже не выглядит таким особенным.

— Именно.

— А Обручев?

Соболев посмотрел на хронологию.

— Не становитесь неверным мужем одной версии только затем, чтобы сразу жениться на другой.

Лебедев рассмеялся.

— Это тоже из записной книжки?

— Нет. И не записывайте.

Соболев взял карандаш.

Возле фамилии Андрея поставил маленький знак вопроса.

Потом такой же — возле Обручева.

— Мы всё ещё ничего не знаем о смерти Ардатова между двумя моментами.

— Какими?

— Когда Андрей вошёл в кабинет.

Соболев провёл первую черту.

— И когда тело нашли.

Вторую.

— Но теперь у нас есть возможность эту границу сузить.

— Елена.

— Да.

— Допрашиваем её?

Соболев покачал головой.

— Сначала Арсеньева.

— Почему?

— Он подтвердит или опровергнет историю со стилетом ещё до того, как Елена узнает, что именно нас интересует.

Лебедев кивнул.

— А потом Елена.

— Потом Елена.

Соболев посмотрел на лист с долгами Андрея.

Сто двадцать тысяч.

Четыре дня.

Угроза скандала.

Ненависть к отцу.

Для мотива этого было более чем достаточно.

Для доказательства — почти ничего.

И именно эта разница обычно решала судьбу человека.

Глава VI. Наследство

«Наследство делает подозрительными живых. Особенно когда мёртвый не успел объяснить свою волю».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Виктора Михайловича Арсеньева нашли в конторе на Галерной.

После ночного допроса он уехал из дома Ардатовых около трёх часов, а к полудню уже принимал управляющего заводом, разбирал корреспонденцию и отдавал распоряжения так, словно смерть будущего тестя была обстоятельством тяжёлым, но не способным остановить дела.

Лебедев сообщил это с лёгким удивлением.

— В половине двенадцатого он уже подписывал бумаги.

— Люди переживают смерть по-разному, — сказал Соболев.

— Это не его отец.

— Тем более.

Они ехали по заснеженной улице в закрытом экипаже. Снег снова усилился, стекло быстро покрывалось влажной крупой, и дома за ним казались размытыми.

Лебедев держал на коленях записную книжку.

— Всё-таки не понимаю, почему мы едем к Арсеньеву раньше, чем к Елене.

— Что именно хотите узнать у Елены?

— Видела ли она отца живым после Андрея.

— И если я задам этот вопрос сейчас?

— Получим ответ.

— И одновременно сообщим ей, что проверяем показания брата.

Лебедев задумался.

— А Арсеньев пока не знает, что именно нас интересует.

— Вот именно.

— Значит, независимое подтверждение.

— Или независимое опровержение.

Арсеньев занимал две комнаты на втором этаже конторы.

Первая принадлежала секретарю. Вторая была почти лишена личных вещей: большой письменный стол, шкаф с чертежами, карта железных дорог, кожаный диван и несколько деловых справочников.

Только на краю стола стояла маленькая серебряная рамка с фотографией Елены.

Арсеньев вышел им навстречу сам.

— Дмитрий Петрович.

Соболев представил Лебедева.

— Я предполагал, что вы придёте, — сказал Арсеньев.

— Почему?

— После такой ночи следователь обычно приходит ко всем, кто был в доме.

— Ночью я ещё не вёл дело.

— Теперь ведёте?

— Официально.

На лице Арсеньева мелькнуло что-то похожее на облегчение.

Соболев заметил.

— Это хорошая новость?

— Не знаю. Но Александр Сергеевич сам вас пригласил.

— Вы знаете зачем?

— Нет.

— Он никогда не говорил?

— Нет.

— И вы не спрашивали?

Арсеньев чуть пожал плечами.

— Я не настолько близок был с Александром Сергеевичем, чтобы задавать ему вопросы, на которые он не хотел отвечать.

— Редкая осторожность в этом доме.

Арсеньев не улыбнулся.

Они сели.

Лебедев устроился немного в стороне.

— Вчера днём вы были у Ардатовых? — спросил Соболев.

— Да.

— Во сколько?

— Около четырёх.

— Видели Андрея?

— Да.

— Где?

— В кабинете его отца.

Соболев ничего не записывал.

— Что вы там делали?

— Смотрели коллекцию оружия.

— Кто предложил?

— Я спросил о нескольких вещах. Андрей решил показать.

— Что именно?

— Старый кортик. Два пистолета. Потом стилет.

— Тот, которым ночью был ранен Ардатов?

Арсеньев немного помедлил.

— Насколько я понял — тот самый.

— Вы держали его?

— Да.

— Долго?

— Минуту, может меньше.

— Потом?

— Отдал Андрею.

— Кто вернул в шкаф?

— Он.

— Вытирали рукоять?

— Нет.

— Андрей?

— Не видел.

— Кто-нибудь вошёл?

— Елена.

— Она видела оружие?

— Да.

— Что сказала?

На этот раз Арсеньев слегка улыбнулся.

— Что мы ведём себя как гимназисты.

— К стилету прикасалась?

— Нет.

Соболев взглянул на Лебедева.

Рассказ Андрея подтверждался почти дословно.

— Вечером, после разговора Андрея с отцом, вы его видели?

— Да.

— Каким он вернулся?

— Злым.

— Сильно?

— Очень.

— Что-нибудь сказал?

— Нет.

— Мокрый рукав заметили?

Арсеньев удивился.

— Нет.

— Он сразу остался в гостиной?

— Подошёл к столику и налил себе вина.

— Елена была рядом?

— Да.

— Разговаривала с ним?

— Несколько слов.

— Слышали?

— Нет.

Соболев сделал небольшую паузу.

— Потом Елена вышла?

Арсеньев напрягся едва заметно.

— Да.

— Куда?

— К отцу.

— Откуда знаете?

— Она сама сказала потом.

— Когда?

— Когда вернулась.

— Значит, она вошла в кабинет после Андрея?

— Насколько я помню — да.

Лебедев перестал писать на мгновение.

— Сколько её не было?

— Минут семь, возможно чуть больше.

— Какой она вернулась?

Арсеньев посмотрел на фотографию на столе.

— Расстроенной.

— Плакала?

— Нет.

— Сердилась?

— Не совсем.

— Испугалась?

Он задумался.

— Да. Скорее так.

— Чем?

- Не сказала.
- Вы спрашивали?
- Конечно.
- И?
- Ответила: «Не сейчас».

Соболев чуть наклонился вперёд.

— Вы жених Елены Александровны. Что Александр Сергеевич имел против вашего брака?

Арсеньев медленно откинулся в кресле.

- Наконец дошли до этого.
- Я был за столом. Тема сама дошла.
- Он был против меня.
- Почему?
- Не объяснял.
- Совсем?
- Говорил, что мне сначала надо разобраться с собственной жизнью.
- Есть с чем?
- У любого человека есть.
- Мне нужно не у любого.

Арсеньев выдержал его взгляд.

— Неудачный контракт два года назад. Долги предприятия. Несколько неприятных партнёров.

- Уголовные дела?
- Нет.
- Женщина?
- Нет.
- Другая семья?
- Нет.
- Тогда причина его отношения вам понятна?
- Нет.
- Елене?
- Тоже нет.
- Возможно, причина была не в вас?

Арсеньев нахмурился.

- Что это значит?
- Пока вопрос.
- Тогда ответа у меня нет.

Соболев сменил тему.

- После возвращения Елены вы сами выходили из гостиной?
- Да.
- Зачем?
- Курить.
- Где?
- Возле лестницы.
- К кабинету подходили?
- Нет.
- Кого-нибудь видели?
- Левицкого.
- Где?

- В коридоре с папкой.
- В сторону кабинета?
- Сначала да.
- Потом?
- Остановился.
- Почему?
- Не знаю.
- Разговаривали?
- Он спросил, видел ли я князя.
- Вы?
- Сказал, что нет.

Соболев поднялся.

- Пока достаточно.

Арсеньев тоже встал.

- Андрей действительно держал стилет днём. Если вы именно это хотели проверить.
- Да.

- Вы думаете, он убил отца?

Соболев посмотрел на него.

- Почему сразу Андрей?
- Потому что вчера за столом они почти ненавидели друг друга.
- Почти?
- Я не знаю, что чувствовал князь.
- Вот и я пока не знаю.

Они вышли.

На лестнице Лебедев сказал:

- Значит, Андрей не придумал историю со стилетом.
- Да.
- И Елена действительно вошла после него.
- Да.
- Тогда если она видела отца живым, Андрей уже серьёзно отходит назад.
- Если видела.
- Вы всё равно не хотите сразу к ней?
- Нет.
- Почему теперь?

Соболев посмотрел на него.

- Потому что нам прежде нужно понять, что именно Ардатов собирался изменить утром.

- Завещание.
- В том числе.

Контора Павла Семёновича Левицкого находилась недалеко от Невского.

Узкая лестница, бронзовая табличка, небольшая приёмная. Секретарь попытался сообщить, что Павел Семёнович занят, но после распоряжения Канцелярии быстро изменил мнение.

Левицкий вышел сам.

В дневном свете он выглядел старше, чем вечером. Только костюм и борода оставались безупречными.

- Дмитрий Петрович. Я ожидал вас позже.
- Почему?
- Обычно сначала беседуют с родственниками.

- Обычно я сам выбираю порядок.
Левицкий пригласил их в кабинет.
Соболев сел напротив.
— Александр Сергеевич собирался изменить завещание.
Левицкий не стал отрицать.
— Да.
— Когда?
— Решение принял около месяца назад. Работать над проектом начали три недели назад.
— Вчера у вас был последний вариант?
— Один из последних. Утром он собирался внести окончательные поправки.
— Кто знал содержание?
— Полностью — только я и князь.
— Мария Павловна?
— Нет.
— Андрей?
— Нет.
— Елена?
— Насколько мне известно — нет.
— Тогда начнём с Андрея.
Левицкий немного помедлил.
— Его положение ухудшалось.
— Как?
— В старом завещании он получал значительную сумму и часть ценных бумаг в прямое распоряжение.
— В новом?
— Прямой капитал сокращался. Большая часть имущества должна была перейти в управление с фиксированным ежегодным содержанием.
— То есть князь собирался ограничить ему доступ к деньгам.
— Именно.
Лебедев спросил:
— Новый проект имел юридическую силу?
— Нет. Пока не подписан — нет.
Соболев посмотрел на адвоката.
— Значит, смерть князя до подписания оставляла Андрею старый, более выгодный вариант.
— Финансово — да.
— Насколько более выгодный?
— Существенно.
— И долг Маркову он мог закрыть без труда?
— По старому завещанию — конечно.
Соболев кивнул.
Версия против Андрея становилась всё удобнее.
Слишком удобной.
— Мария Павловна?
— Здесь всё наоборот.
Соболев поднял глаза.
— Объясните.
— Её доля увеличивалась.
— Значительно?

- Да.
- Она об этом знала?
- Насколько понимаю, нет.
- Почему князь увеличивал её долю?
- Не объяснял.
- Вы не спрашивали?
- Я составляю завещания, Дмитрий Петрович. Не исповедую клиентов.
- Хорошо. Елена?
- Левицкий снял очки.
- Получала больше всех.
- Соболев задержал взгляд на нём.
- Насколько больше?
- Адвокат назвал сумму.
- Лебедев едва заметно поднял брови.
- Кроме капитала, — продолжил Левицкий, — имение в Тверской губернии и часть бумаг.
- Почему?
- Не знаю.
- Арсеньев мог знать?
- Надеюсь, что нет.
- Почему «надеюсь»?
- Потому что молодой человек, заранее знающий о таком наследстве невесты, автоматически становится неприятным предметом для ваших вопросов.
- Он уже предмет.
- Левицкий пожал плечами.
- Тогда ещё более неприятным.
- Обручев получал что-нибудь?
- Нет.
- Рождественский?
- Нет.
- Белецкая?
- Пожизненную ренту. Она была и раньше.
- Размер менялся?
- Нет.
- Соболев закрыл проект.
- Кроме завещания вы вчера готовили ещё какие-нибудь бумаги?
- На этот раз Левицкий ответил не сразу.
- Да.
- Какие?
- Форму удостоверения подписи и сопроводительное письмо.
- Для чего?
- Александр Сергеевич собирался подписать личное заявление.
- О чём?
- Текста у меня не было.
- Странно.
- Очень.
- Адресат?
- Не сообщил.
- Вы спрашивали?

— Конечно.

— Что ответил?

Левицкий помолчал.

— «Утром всё поймёте».

Соболев взглянул на Лебедева.

Вот это уже относилось не только к деньгам.

— Эти бумаги находились в папке, которую вы несли после ужина?

— Да.

— Почему не отнесли?

— Александр Сергеевич заранее просил не беспокоить его перед разговором с вами.

— Но вы всё-таки пошли.

— Хотел оставить папку у кабинета.

— И не оставили.

— Нет.

— Почему?

Левицкий посмотрел на него.

— В коридоре был Обручев.

— Где именно?

— Возле поворота к кабинету.

— Что делал?

— Стоял.

— Один?

— Да.

— Вы заговорили?

— Спросил, ждёт ли князь кого-нибудь.

— Ответ?

Левицкий помедлил.

— «Уже нет».

В кабинете стало тихо.

— Точно эти слова?

— Точно.

— Что вы поняли?

— Ничего.

— Неправда.

Левицкий немного напрягся.

— Хорошо. Я подумал, что Сергей Павлович уже говорил с князем.

— Почему?

— Потому что иначе фраза не имела смысла.

— Он выглядел взволнованным?

— Да.

— Испуганным?

Левицкий задумался.

— Скорее подавленным.

— И вы решили вернуться?

— Да.

— Почему не сказали об этом полиции?

— Не спросили.

Соболев некоторое время смотрел на него.

— Павел Семёнович, вы адвокат. Не надо говорить мне «не спросили» так, будто сами не понимаете, что именно скрывает эта формулировка.

Левицкий отвёл глаза.

— Я не хотел делать выводы из чужого поведения.

— Это моя работа.

Он встал.

— Проект завещания я заберу.

— Оформим передачу.

Пока секретарь готовил расписку, Лебедев подошёл к Соболеву.

— Андрей выигрывает.

— Да.

— Мария теряет возможность получить больше.

— Да.

— Елена тоже, если проект не подписан.

— Да.

— Тогда её огромная доля не мотив для убийства до подписания.

— Именно.

— Значит, деньги действительно ведут только к Андрею.

Соболев посмотрел на папку.

— Пока.

— Вам опять не нравится, что всё понятно?

— Мне не нравится, когда в деле об убийстве одно объяснение появляется раньше остальных и сразу начинает чувствовать себя хозяином.

Они вернулись в дом Ардатовых ближе к трём.

Фёдор Гаврилович сообщил, что Андрей находится наверху, Елена у себя, Мария Павловна — в библиотеке.

Соболев пошёл к княгине один.

Мария сидела у окна с раскрытой книгой.

Когда он вошёл, она закрыла её, не загнув страницы.

— Что-то нашли?

— Нашёл проект нового завещания.

Она заметно побледнела.

— И?

— Ваша доля увеличивалась.

Несколько секунд она просто смотрела на него.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что...

Она остановилась.

— Потому что что?

Мария встала.

— Последний год наш брак существовал почти только внешне.

— Вы собирались уходить?

— Нет.

— Тогда почему невозможен более щедрый раздел?

— Потому что Александр не был человеком, который платит за чувство вины деньгами.

Соболев насторожился.

— За какое чувство вины?

Она поняла, что сказала слишком много.

— Я выражаюсь образно.
— Не похоже.
— Дмитрий Петрович.
— Хорошо. Оставим пока.

Он назвал сумму.

Мария закрыла глаза.

— Это слишком много.
— Для жены князя?
— Для наших отношений.
— Вы точно ничего не знали?
— Ничего.

— Тогда вчера за столом действительно считали, что он собирается уменьшить вашу долю.

— Да.
— Почему?
— Мы много спорили. В том числе из-за Андрея.
— Вы просили оплачивать его долги?
— Да.
— Александр отказал.
— Да.
— И вы считали, что он может наказать вас за поддержку сына.
— Я не называла это наказанием.
— Но думали.

Она не ответила.

Соболев продолжил:

— Вы знали, что князь собирается ограничить Андрею право распоряжаться капиталом?

Мария резко посмотрела на него.

— Откуда вы...

Она замолчала.

— Значит, знали.
— Не о завещании.
— А о чём?

— Александр несколько месяцев назад сказал, что когда-нибудь заставит Андрея жить на содержание.

— Вы рассказали сыну?
— Нет.
— Уверены?
— Да.
— Елене?
— Нет.
— Тогда Андрей мог только подозревать.
— Возможно.

Соболев сделал паузу.

— Вчера после ужина вы к мужу не заходили?
— Нет.
— К лекарству имели доступ?
— Конечно. Я знала, где оно хранится.
— Брали вчера?
— Нет.

— Дозировку знали?
— Примерно.
— Сколько?
— Десять или двенадцать капель.
— Кто обычно давал?
— Если Николай Андреевич был рядом — он. Иногда я. Иногда сам Александр.
— После лекарства за ужином мужу стало лучше?
— Да.
— Уверены?
— Он перестал жаловаться, ел десерт, разговаривал.
Соболев кивнул.
— Последний вопрос. Кто вчера сильнее всех испугался слов князя о том, что утром он «сделает всё»?
Мария долго смотрела на него.
— Сергей Павлович.
— Почему?
— Вы видели его лицо.
— Лица недостаточно.
— Я знаю Обручева много лет. Деньги его не пугают. Скандал — тоже. Он не тот человек, который нервничает из-за чужого завещания.
— А вчера нервничал.
— Вчера он испугался.
— Чего?
— Не знаю.
Соболев вышел.
Лебедев ждал у окна.
— Ну?
— Завещание для неё действительно неожиданность.
— Верите?
— Что не знала содержания — да.
— Значит, Мария отходит.
— Только по денежному мотиву.
— Андрей остаётся впереди.
— Очень далеко впереди.
В этот момент сверху быстро спустился Фёдор Гаврилович.
— Дмитрий Петрович, Андрей Александрович просит вас подняться.
— Сам?
— Да.
— Что случилось?
— Не сказал.
Они нашли Андрея возле письменного стола.
На столе лежал раскрытый бумажник.
Андрей выглядел так, словно принял решение, которое ему не нравилось.
— Я вам соврал.
Соболев остановился.
— В чём?
Андрей достал сложенный лист.
— Письмо отца я не выбросил.
Лебедев открыл книжку.

Соболев взял бумагу.

Почерк Ардатова был знаком по записке-приглашению.

Текст оказался коротким.

«Я заплачу Маркову последний раз при одном условии. Завтра утром вы подпишете распоряжение, по которому не сможете самостоятельно распоряжаться основной частью полученного после моей смерти капитала. Если откажетесь — разбирайтесь с Марковым сами. Этот разговор считаю оконченным».

Соболев перечитал.

— Когда получили?

— Вчера днём.

— Кто передал?

— Кузьмин.

— Почему скрыли?

Андрей устало рассмеялся.

— Потому что понимал, как это выглядит.

— Очень плохо.

— Именно.

— Вчера в кабинете вы говорили об этом письме?

— Да.

— Соглашались подписать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это означало признать себя недееспособным ребёнком.

— Юридически не совсем.

— Мне всё равно, как это называется юридически.

— И отец сказал, что тогда не заплатит Маркову.

— Да.

— Теперь отец мёртв. Действует старое завещание. Никакого ограничения нет.

Андрей посмотрел на Соболева.

— Я знаю.

— И двадцать пять тысяч перестают быть проблемой.

— Знаю.

— Получается удобно.

— Вы специально произносите это вслух?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы посмотреть, что вы будете отрицать.

Андрей помолчал.

— Я не отрицаю, что его смерть решила мои денежные проблемы.

Лебедев поднял взгляд.

— Но я его не убивал, — продолжил Андрей. — И если хотите знать, почему показал письмо сейчас, то потому, что понял: вы всё равно до него доберётесь.

Соболев сложил лист.

— Кто ещё о нём знал?

— Кузьмин.

— Елена?

— Нет.

— Мария Павловна?

— Не думаю.

— Арсеньев?
— Нет.
— Обручев?
— С какой стати?
Соболев не ответил.
— Теперь один вопрос о Елене.
Андрей сразу напрягся.
— Что о ней?
— Вы знали, что она пошла к отцу после вас?
Пауза.
— Да.
— Почему утром не сказали?
— Потому что это не моё дело.
— Теперь моё.
— Она сама вам расскажет.
— Андрей Александрович.
Он отвернулся.
— Да, я видел, как она пошла.
— До этого говорили с ней?
— Она спросила, почему я злой.
— Что ответили?
— Что отец опять решил распоряжаться моей жизнью.
— И?
— Сказал: «Хочешь — иди сама с ним поговори».
— Она пошла сразу?
— Почти.
— Вы знали, о чём она хотела говорить?
Андрей не ответил.
Соболев заметил его лицо.
— Знали.
— Не точно.
— Тогда что предполагали?
— Что отец опять говорил с ней об Арсеньеве.
— Только?
Пауза.
— Возможно, нет.
— Что ещё?
Андрей сжал губы.
— Спросите у Елены.
— Спрошу.
Он уже собирался уйти, когда Андрей произнёс:
— Не давите на неё.
Соболев остановился.
— Почему?
— Потому что отец мог сказать ей то, чего вообще не собирался говорить вчера.
— Что именно?
— Не знаю.
— Но вы испугались сейчас не из-за Арсеньева.
Андрей резко посмотрел на него.

— Я не испугался.
— Тогда ошибся.
Он направился к двери.
— Дмитрий Петрович.
— Да?
— Если Елена подтвердит, что отец был жив после меня, вы хотя бы перестанете считать, что я воткнул в него этот стилет?
Соболев посмотрел на него.
— Если она подтвердит, изменится время.
— Это не ответ.
— Пока другого нет.
Они вышли.
Только на лестнице Лебедев сказал:
— Теперь против Андрея вообще почти всё.
— Почти.
— Долг, срок, письмо, старое завещание, ссоры, ложь полиции.
— Да.
— И смерть отца действительно освобождает его от ограничения.
— Да.
— Тогда что вам мешает?
Соболев остановился на площадке.
— Елена.
— Потому что могла видеть князя живым.
— Не только.
— А что ещё?
— Андрей боится не того, что она скажет о времени.
— А чего?
Соболев посмотрел вверх, туда, где находились комнаты Елены.
— Того, что она расскажет о разговоре.
Лебедев задумался.
— Значит, следующий шаг всё-таки она.
— Теперь да.
Соболев начал подниматься.
Денежная версия была почти закончена.
Слишком много фактов указывало на Андрея и слишком мало пока ей противоречило.
Но впервые Соболеву стало ясно другое.
Утром князь Ардатов собирался изменить не только порядок наследования.
И, возможно, именно то, что не имело отношения к деньгам, испугало за столом сильнее всего.

Глава VII. После Андрея

«Последний человек, видевший живого, знает не время смерти.

Он знает границу, за которой она стала возможной».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Елена Ардатова ждала их.

По крайней мере, такое впечатление возникло у Соболева, когда горничная открыла дверь и девушка сразу поднялась из кресла.

На ней было простое тёмное платье без украшений. Волосы были собраны небрежнее, чем накануне. На небольшом столике лежала раскрытая книга, но Соболев заметил, что за время их появления Елена ни разу не взглянула на страницу.

— Дмитрий Петрович.

— Елена Александровна.

Он представил Лебедева.

— Алексей Николаевич будет присутствовать при разговоре.

Елена посмотрела на записную книжку в его руках.

— Разговоре или допросе?

— Пока разговоре.

— А потом?

— Это зависит не от названия.

Она чуть усмехнулась.

— Александр говорил, что вы любите отвечать именно так.

— Значит, плохо обо мне отзывался.

— Напротив.

Елена указала на кресла.

— Садитесь.

Комната была светлой и очень аккуратной. Ничего лишнего. Книги стояли ровными рядами, на стенах висели небольшие акварели, возле окна находилось бюро с закрытой крышкой.

Совсем не похоже на комнаты Андрея.

Соболев сел напротив хозяйки.

Лебедев устроился немного в стороне.

— Вы уже говорили с братом? — спросила Елена.

— Да.

— Несколько раз?

— Несколько.

Она медленно кивнула.

— Значит, дело плохо.

— Почему?

— Андрей начинает говорить правду только после того, как первая ложь перестаёт ему помогать.

Соболев посмотрел внимательнее.

— Вы хорошо его знаете.

— Он мой брат.

— Мария Павловна тоже уверена, что Андрей не мог убить отца.

— Я тоже уверена.

— На каком основании?

— Я видела отца после него.

Лебедев перестал листать книжку.

Соболев не изменился в лице.

— Расскажите.

— Что именно?

— Сначала порядок. Андрей вернулся от отца. Вы были в гостинной?

— Да.

— Он подошёл к вам?

- Нет. Я сама подошла.
- Почему?
- Было видно, что они опять поссорились.
- Андрей что-нибудь сказал?
- Сказал, что отец окончательно решил распоряжаться его жизнью даже после собственной смерти.
- Вы тогда поняли, что речь о завещании?
- Нет. Решила, что речь о долгах.
- Он рассказывал вам о Маркове?
- Елена слегка нахмурилась.
- Нет.
- О письме отца?
- Каком письме?
- Ответ прозвучал слишком естественно, чтобы быть приготовленным заранее.
- Соболев отметил это про себя.
- Значит, не рассказывал.
- Очевидно.
- Что произошло дальше?
- Андрей сказал: «Если тебе тоже интересно, что он задумал на завтра, иди и спроси сама».
- И вы пошли.
- Да.
- Сразу?
- Почти.
- Через минуту?
- Возможно. Я не смотрела на часы.
- Кто оставался в гостиной, когда вы вышли?
- Елена задумалась.
- Мама. Николай Андреевич. Виктор. Софья Николаевна. Андрей. Кажется, Левицкий ещё не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.